

Ирина Мальцева

Камская обитель

роман

Ирина Мальцева
Камская обитель

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Мальцева И. Н.

Камская обитель / И. Н. Мальцева — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Городская жительница волей случая попадает в глухой прикамский лес. Здесь её ждут любовь, страсть, бандитские разборки, дружба с волкодавами и ответы на жизненно важные вопросы.

© Мальцева И. Н., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Глава первая	5
Глава четвертая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава первая

Спешащая женщина выглядит смешно, вдруг вспомнила Инга Мамаева, несясь по слабоосвещенной улице, ведущей к железнодорожной станции. Эту фразу неоднократно повторяла преподавательница английского на их дошкольном факультете. Как её звали? Кажется Элеонора Витальевна. Точно! Надо же вспомнила! Вообще-то у Инги проблема с запоминанием имен и отчеств. Если она не общается с человеком хотя бы в течение трех месяцев, то при встрече с трудом вспоминает, как того зовут.

Элеонора Витальевна была дамой, приятной во всех отношениях, одевалась по моде, к студентам относилась по-матерински. И была бесконечно счастлива, когда хоть у пары девчонек из очередной группы проявлялся талант к языку. Инга была в числе тех, кому удавалось порадовать преподавательницу. Однажды она даже участвовала во всероссийской студенческой олимпиаде по иностранному языку. Честно сказать, результат у Инги на той олимпиаде был ниже среднего, но Элеонору это не огорчило, и она гордилась успехами своей студентки.

Однажды Элеонора пришла на занятие с перевязанной ногой и расцарапанной щекой. Девчонки сочувственно заохали, заахали, начали расспрашивать, какое несчастье с ней приключилось. Женщина не стала держать происшествие в тайне и, наплевав на перевод скучнейшего текста из детской психологии, рассказала, как она выразилась, «историю своего падения».

Обычно Элеонора Витальевна добиралась до дома на троллейбусе. В тот день она то ли задержалась, то ли водитель троллейбуса спешил, но когда она завернула за угол, где находилась остановка, увидела, что её семнадцатый номер готов вот-вот тронуться с места. Несмотря на приближающееся пятидесятилетие, Элеонора была подвижной, можно сказать, спортивной теткой. Она рванула к остановке и запросто успела. Но в последний момент каблук зимних сапожек заскользил по накату, нога начала уходить под днище троллейбуса, а его подножка неумолимо приближаться к лицу. Мало того, что Элеонора сильно подвернула ногу и грохнулась на спину, так еще задела щекой за какую-то выступающую железяку. Хорошо еще, водитель все время смотрел в зеркало заднего вида и вовремя заметил незадачливую пассажирку, упавшую под колеса. Вместе с кондукторшей они извлекли Элеонору из-под троллейбуса, срыхнули с пальто налипший грязный снег и усадили на место для детей и инвалидов.

– Самое ужасное, – вспоминала Элеонора, – что когда я растянулась, многие пассажиры невольно рассмеялись. Не подумайте, что я осуждаю их за это. Отнюдь! Я ведь и сама частенько не могу сдержать смеха, когда кто-то падает на улице. И все-таки это было самым ужасным – услышать, как над тобой смеются. Не знаю, как вы, девушки, но отныне меня ничто не сможет заставить поспешить, побежать, ринуться, кинуться вслед. Я сделала вывод: спешащая женщина выглядит смешно, да просто нелепо!

Эту историю Инга частенько вспоминала по окончании института и старалась придерживаться правила Элеоноры: никогда не спешить, иначе станешь всеобщим посмешищем. До недавнего времени ей это более или менее удавалось. Но сегодня не её день. С самого утра она бежит наперегонки со временем. Только-только выйдет из цейтнота, как опять оказывается, что она опаздывает.

Инга сама устроила себе такие жизненные гонки. Она стремилась успеть все сделать, причем самой, без чьей-либо помощи, причем очень качественно сделать, причем в придуманные самой рекордные сроки. Другие торопятся быстрее все сделать, чтобы высвободить часы для отдыха, развлечений, но только не Инга Мамаева. Какой отдых, какие развлечения, если на очереди масса других важных и срочных дел! И это несмотря на то, что она уже давно, с рождения сына, не работает. Так решил муж, который посчитал, что место женщины дома, в семье.

– Моего заработка хватит на всё, – однажды заявил он категорически. – Твои копейки не делают погоды, а отнимают время у семьи. Не считай меня сторонником домостройства, но мне бы

хотелось, чтобы ты больше занималась хозяйством, Кирюшей, а не чужими детьми и прочей суетой, которую вы в садике называете педагогической деятельностью.

Инга по молодости лет и привычке подчиняться взрослым согласилась, хотя в душе обиделась за то пренебрежение, которое высказал Борис в её собственный адрес и адрес её коллег по детскому саду. Инга обожала свою работу методиста, гордилась успехами детишек и мечтала, что их «Ивушка» станет лучшим детским учреждением в Заречье. Про их достижения писали не только местные, но и областные газеты. Но с рождением Кирюши и по настоянию мужа пришлось все бросить.

И только через три года она осознала, что наделала. Теперь её жизнь проходила между кухней, ванной и магазинами. Она рано вставала, чтобы приготовить завтрак мужу, потом готовила кашу для малыша, потом сразу принималась за приготовление обеда. Еще нужно было успеть пробежаться по магазинам, погулять с сыном, отутюжить выстиранное белье, пропылесосить квартиру, вытереть пыль. И ни в коем случае не забыть про экран телевизора, который имел привычку покрываться серым слоем буквально за полчаса до того, как муж Борис садился в кресло, чтобы посмотреть новости.

– Не могла бы ты обновить краски телевизора, – ехидно замечал Борис Сергеевич, намекая на то, что жена полдня провалилась на диване и не соизволила сделать даже такой малости, как вытереть пыль. – Кофе приготовь, и пусть он чуть остынет.

Проглотив обиду, Инга шла к плите, варила мужу кофе и кляла телевизор, единственной виной которого была способность притягивать к себе пыль. Но женщина и к этому быстро приспособилась и стала протирать экран за пять минут до прихода мужа с работы.

После обеда у Инги была пара спокойных часов. Она укладывала Кирюшу, а сама устраивалась в кресле с книжкой. Но часто, прочитав с десяток страниц, осознала, что ничего не помнит из прочитанного, потому что думает о своем. О чем?

О том, что она, Инга Михайловна Мамаева, специалист с высшим педагогическим образованием, попала в полную зависимость от своего мужа, превратившись в прислугу, няньку и постельную женщину. Мужа такое положение вполне устраивало, и ему было неинтересно, что по этому поводу думает она сама. Он, правда, не ограничивал её в средствах, не подсчитывал мелочно, куда и на что она потратила деньги, но требовал, чтобы в их доме все было по высшему разряду. А это значило: свежеприготовленные завтраки, обеды и ужины, стерильная чистота в квартире, неукоснительный режим для ребенка, которому, по мнению Бориса Сергеевича, необходимы ежедневные прогулки на свежем воздухе до обеда и после, развивающие игры, выжатые натуральные соки и прочее. Кирюшу Инга обожала и готова была для него на любой трудовой подвиг, но иногда ей хотелось, чтобы и муж тоже внес свою лепту в воспитание и оздоровление ребенка. Но Бориса хватало лишь на получасовую возню с сыном между двумя воскресными развлекательными передачами. Дальше он требовательно спрашивал, не пора ли жене погулять с ребенком или почитать ему сказку.

Сказок за это время было перечитано собрание сочинений.

Именно детское чтение подсказало Инге выход из сложившегося положения. У неё вдруг забрезжила надежда отвоевать себе экономическую независимость, не жертвуя при этом ни общением с сыном, ни бросая на произвол домашнее хозяйство. Однажды они с Кирюшей отправились в книжный магазин. Именно там, среди полок с детскими книжками, ей пришла в голову идея попробовать себя в качестве детской писательницы. В конце концов, рассудила она, для того, чтобы писать истории для детей, не обязательно быть Толстым или Тургеневым.

В том, что у неё получится, Инга почему-то не сомневалась. В её голове тут же закружились сюжеты сказочных перевоплощений, происки «темных сил» и победа «светлых» героев.

С того дня женщина умудрялась выкраивать два-три часа в день и сочиняла невероятные истории, записывая их в толстую общую тетрадь. Удивительно, но первые сюжеты к Инге прилетели сами, а ей осталось лишь развить их, вдохнуть жизнь в героев, продумать маленькие

хитрости, которые подогревали бы у юного читателя устойчивый интерес к происходящему. Первая небольшая повесть была закончена в течение двух месяцев, а первым слушателем и ценителем был Кирюша. Мальчик готов был слушать «мамину книжку» часами, и лишь недоумевал, что в ней, кроме исписанных листов, нет ни одной картинки.

Пришлось Инге стать иллюстратором собственного произведения. Она рисовала на белых листах картинку и вкладывала в тетрадь с повестью. Восторгу ребенка не было предела, тем более что мама разрешала ему добавлять к картинке что-нибудь своё. Вскоре иллюстрации, «подправленные» сыном, заняли окончательное место в общей тетради.

После первой удачи, как считала Инга, она писала еще и еще, а потом решила, что пора поделиться своим творчеством с широким кругом читателей. И отправилась в московское издательство, где книжки приняли.

С тех пор прошло четыре года, и ко всем заботам, что взвалила на себя Инга, добавилось еще и сочинительство. Правда, появились деньги. Муж Сергей испытал настоящий шок, когда узнал, сколько получила его жена за книжки. Он тут же понял, что требовать теперь от Инги качественной работы прислуги будет не совсем правильно, и быстро научился сам разогревать борщи, есть вчерашние котлеты и не ворчать, когда Кирилл весь вечер крутится у него перед глазами.

Новое поприще не отбило у Инги склонности к чистоте и порядку, хотя в чем-то она и уступила позиции. Например, теперь она предпочитала покупать полуфабрикаты, чем мучиться с отбивными, голубцами, запеченной курицей и другим. На смену морсам и домашним компотам пришли упаковки магазинного сока, а блинчики с джемом были заменены на пирожные из кондитерского отдела. Горячие завтраки для мужа теперь состояли из бутербродов из микроволновки, которые он быстро научился делать сам.

Но никакого беспорядка, присущего творческим личностям, Инга не терпела. Она по-прежнему рано вставала, прибирала квартиру, делала другие хозяйственные дела. Потом в её расписании были часы творчества, а когда приходило время поднимать Кирюшу, кормить его завтраком и прогуливать в ближайшем сквере, она совмещала это с продумыванием очередного хода в запутанной сказочной интриге. Когда мальчик засыпал после обеда, Инга снова садилась к столу и писала, писала, погружаясь с головой в его придуманный мир чудес и невероятностей. Единственно, что осталось в их семье без изменения, так это ужины. По-прежнему Инга придумывала на ужин что-нибудь интересное, удивляла мужа то оригинальным салатиком, то вкуснейшей пиццей.

После ужина и до того момента, как Кирюша укладывался спать, Инга писала. Уложив сына и прочитав ему пару листочков из новой книжки, женщина с трудом добиралась до постели и проваливалась в сон, не дожидаясь, когда Борис пересмотрит очередные серии про ментов или запутанную любовь. Иногда он будил её ближе к полуночи, требовал ласки, любовного экстаза. Уставшая женщина мечтала о том, чтобы её поскорее оставили в покое. После таких ночей Борис упрекал её в холодности, в нежелании разделить с ним удовольствие, как он говорил, от секса.

В последнее время Инга стала задумываться над тем, что скоро не сможет выдерживать эту гонку и подорвет здоровье. В редкие часы отдыха она мечтала о просторной квартире и человеке, который бы взял на себя все бытовые заботы. Она даже решила, что в случае исполнения её задумки с покупкой квартиры, пригласит к себе на постоянное жительство одну дальнюю бездетную родственницу. Но планы пока оставались планами.

Хотя очередная поездка в Москву была давно запланирована, но как всегда нашлась масса дел, которые требовали её непосредственного участия и внимания. И теперь её одолевала только одна мысль: успеть!

Успеть бы еще в кассу, за билетом, думала Инга, которая еще накануне отдала своей соседке Татьяне Усовой, которая работает кассиром на вокзале, паспорт и деньги. Та велела ей

забрать билет не позднее, чем за полчаса до прихода поезда. Их Заречье недавно приобрело статус города, а до этого считалось поселком городского типа. Редкие поезда останавливались у них, а проходящий на Москву, стоял на их станции всего пять минут, и взять билет на него в последний день было проблематично. Но Татьяна не раз уже выручала Ингу, которая постоянно моталась в столичное издательство. Вот и сейчас в сумке у неё была рукопись сказочной истории, в которой феи маскировались под продавщиц цветов, злая колдунья притворялась дрессировщицей собак, а прекрасный принц и его невеста учились в соседних школах.

Рукопись должна попасть к издателю не позднее двадцатого октября, а у Инги еще сегодня утром не было конца истории. Кроме рукописи, внимания требовал Кирюшка, которого она еле-еле смогла уговорить пойти в школу. Мальчик, который еще год назад мечтал стать школьником, вдруг заявил, что в классе ему не нравится, что в школе нет его любимой воспитательницы «Петровны», а всевозможные запреты делают жизнь скучной и бесцельной.

Чтобы уговорить сына пойти в школу, пришлось пообещать купить в Москве коньки и разрешить не есть кашу на завтрак.

Не успела Инга порадоваться, что ловко решила проблему с сыном, как позвонил муж и приказал собрать ему все необходимое для трехдневной командировки. Борис Сергеевич Мамаев занимал должность технического директора местного заводика по производству прицепных агрегатов к сельхозмашинам. Но комплектующие производились в других местах, и Мамаеву приходилось улаживать проблемы их своевременной поставки, а для этого уезжать порой на два, три, а то и пять дней. Инга привыкла к его постоянным отлучкам и научилась держать про запас вещи, которые понадобятся мужу в командировке. Поэтому собрать вещи для неё не проблема, но вставал вопрос, с кем оставить Кирюшу?

Надо было звонить свекрови. Та, разумеется, была «на объекте», и никто не мог сказать, когда она вернется. Зная, что свекровь в обеденный перерыв точно будет на рабочем месте, Инга отложила разговор с ней и помчалась в школу: надо было предупредить Кирюшу, чтобы он после уроков сразу шел к бабушке на работу.

И такая нервотрепка продолжалась весь день, до того момента, когда она поняла, что если она промедлит еще минуту, то поезд уйдет без неё. Сунув глубже в сумку кошелек, косметичку, схему метро, запасные трусики и колготки, вручив соседке тете Маше ключи от квартиры со словами: «Приглядите, пожалуйста, пока нас нет», Инга пулей вылетела из подъезда дома.

Именно поэтому она вскочила не в тот автобус, проехала лишнюю остановку, а теперь должна была бежать к станции, рискуя сломать каблуки, или того хуже, ногу. Не тот автобус высадил её метрах в пятистах от вокзальной площади. И это бы не проблема, если бы не глухой бетонный забор, тянувшийся до здания станции. Забор выгибался горбом, а обогнуть его значило пройти еще лишних пятьсот метров. Правда, была тут тропинка, ведущая прямо на перрон, к грузовому терминалу. Она в два раза сокращала путь, но ею мало кто пользовался, потому что та шла мимо заброшенного здания старой почты. Развалины почты давно облюбовали местные бомжи и бездомные собаки, а сама тропинка была изгажена как животными, так и людьми.

Но выбирать Инге не приходилось. Если она опоздает, Татьяна разозлится и выскажет ей в глаза все, что она думает о ней, а из издательства обязательно кто-нибудь позвонит и противным голосом поведает ей о том, насколько она, Инга Михайловна Мамаева, необязательна.

Лучше три минуты страха, чем весь этот ужас!

В свете дальнего фонаря Инга разглядела в бетонном заборе пролом, и, стараясь неглубоко дышать, двинулась по осклизлой тропе на яркий свет перрона. В какой-то момент ей послышались голоса, а рядом почудилась чья-то тень. Живот от страха свело, но она не остановилась. Тень оказалась её собственной тенью, только длинной и уродливой. Она ползла по кирпичной стене старой почты, обгоняя Ингу на шаг. Поругав себя за трусость, женщина прибавила шагу, шепча молитву к Богородице. Тело от страха и напряжения заостенело, под ногами

противно скользило, и женщина уже представила, на что будут похожи её модельные сапожки. Злясь на себя, жизнь и собак, что спокойно оставляют после себя кучки, Инга не обратила внимания на шаги у неё за спиной. До спасительного света оставалось подняться по насыпи и перелезть через невысокое металлическое ограждение, а потом со скоростью света нестись к зданию станции, где её, наверняка, на все лады ругает кассирша Татьяна.

До насыпи оставалось шага три, когда сзади на Ингу обрушился удар. Споткнувшись, женщина пролетела оставшиеся метры и врезалась головой в щебеночную насыпь. Острые камешки впились в незащищенное лицо, но она этого уже не чувствовала.

Если бы сознание Инги не погасло, она могла бы добавить к афоризму Элеоноры Витальевны, что спешащая женщина не только выглядит смешно, но и рискует нарваться на неприятности, из которых маловероятно выйти лишь с вывихнутой ногой и расцарапанной щекой.

Глава вторая

Для обитателей полуразвалившегося здания почты тот день тоже запомнился сплошной маею. Все места, где можно было с утра похмелиться, для них, сильно задолжавших, были закрыты. После сдачи бутылок из-под пива денег набралось на бутылку самогона, но что такое бутылка на четверых? Измученные похмельем и холодом, бомжи разбрелись по близлежащим точкам, где можно было, если ни выпить, так хоть согреться. Правда, их отовсюду гнали, брезгливо морща носы. Подумаешь, запах, бубнили себя под нос незадачливые выпивохи, попробовали бы сами не завонять, если бы мылись на речке в последний раз в конце сентября.

Эх, золотое времечко сентябрь: тепло, на огородах картошечка, морковка, капуста ядреная! Ешь – не хочу, а если повезет, то и продать можно, заработать на бутылек. Бывало, правда, на злых хозяев огородов нарывались или на сторожевую собаку, но чаще сходило с рук. За добычей они ходили перед самым рассветом, когда все люди видят последний сон. Кому придет в голову заглянуть в огород в три-четыре часа утра?

Но сейчас, в конце октября, огороды что пустыня. Овощи с них по подвалам рассовали, в банки запрятали. Кое-кто, загрузив багажники машин, в город отправился на рынок. Бомжам придется промышлять по забегаловкам, перебиваться случайными заработками, а уж когда приспичит, то и заимствовать у добропорядочных граждан.

Сегодня как раз такой день случился. Скоро ночь, животы подвело от голода, да и душа просит хорошего возлияния, чтобы ночь не казалась такой холодной. В здании старой почты сохранилась небольшая печка, которая когда-то обогревала её работников и посетителей. Бомжам приходится заботиться о том, чтобы к ночи у печки всегда был запас дров и мелкого угля, а потом по очереди караулить неверное тепло, которое без присмотра норовило исчезнуть, издеваясь над промерзшими людьми.

Сегодня дежурным был Ванька-комсомолец. Почему его так прозвали ни он сам, ни его дружки уже не помнили, но прозвище закрепилось за мужиком, которому по давно утерянному паспорту было за сорок. Он экономно подкидывал в печь уголь, тянул к огню скрюченные ревматизмом руки. Дежурному можно было не думать о пропитании, сегодня его задача – поддерживать тепло, а дружки должны обеспечить ему ужин.

Осенняя сырость пробирала до костей, и Ванька-комсомолец накинул на себя старый, изодранный шубняк Алика-татарина, который ушел просить у своего земляка Тагира, владельца небольшого магазинчика, дать ему в долг вина, а он бы за это отработал на разгрузке.

Без дела сидели Санька Сенькин и Леха Баклан. Они тоскливо моргали, глядя на огоньки последних папирос, и без всякой надежды ожидали возвращения Алика. Если Тагир сегодня в плохом настроении, татарину не на что рассчитывать. Дело дрянное!

Торопливые шаги и прерывистое дыхание в стороне пролома подбросили Леху с места. Это был шанс, при условии, что идет один человек. Санька тоже поднялся, неслышной тенью скользнул за угол почты, затаился. За то время, что они обитают здесь, им не раз приходилось добывать деньги прямым разбоем. Но совесть их не мучила, так как люди сами шли на риск.

И чего их тянет в это глухое место? Ходили бы по дороге, так нет, все спешат, углы срезают. Ищут, так сказать, приключений.

И приключение не замедляет случиться с ними. За три с половиной года обитатели старой почты отправили...нет-нет, не на тот свет, а в путешествие, троих. По-видимому, идет четвертый путешественник.

В последнюю секунду Санька понял, что идет баба. Но рука с кастетом уже занесена, а мелькнувшая в голове картина разлитой по стаканам водки была столь привлекательна, что Санька ударил женщину.

На шум падения тела выскочил Ванька-комсомолец, в один момент оценил ситуацию и кинулся за сумкой, отлетевшей в пожухлые кусты. Опытная рука сразу нашарила там кошелек.

– Есть, падлой буду, – сообщил он сообщникам. – Только куда нам её?

– Как всегда, – ответил Санька, пряча в карман истрепанной куртки кастет. – После московского как раз товарняк пойдет. Сунем туда, и все дела.

Они постояли, покурили, стараясь не смотреть на распростертое у самой насыпи тело женщины. Она не двигалась. Санька подошел к лежащей, присел на корточки, нерешительно протянул руку к голове и резко ткнул пальцами в затылок. Послышался едва различимый стон. Жива. Не торопясь, Санька стянул с руки женщины широкое обручальное кольцо, браслет в виде толстой цепочки, часики, потом просунул руку за пазуху и, нашарив там цепочку с крестиком, потянул на себя. Серег в ушах, как у других баб, не было. Довольный добычей, Санька спрятал золотишко в карман затасканных брюк, докурил чинарик и отошел к стене старой почты. Сидя на корточках, он планировал, кому предложить украшения.

Вскоре резкий голос из репродуктора сообщил, что на первый путь прибывает поезд на Москву, через пять минут этот же голос объявил отправку поезда. Когда стих шум двадцати вагонов, Леха Баклан вразвалочку вышел на перрон, огляделся по сторонам. Никого! Да и кому тут быть, если сегодня пассажирских поездов уже не будет.

– Идет, – сообщил он через некоторое время своим подельщикам.

Загрохотал товарный состав. Большая часть вагонов была закрыта, опломбирована или вовсе залита монтажной пеной по периметру дверей. Но зоркий глаз Лехи отыскал то, что им нужно было: вместо замка на вагоне висела небрежно скрученная проволока. Леха без проблем раскрутил её, отодвинул тяжелую дверь. Из вагона пахло конским потом, мочой и сеном. По-видимому, тут перевозили лошадей.

– Давай! – крикнул в темноту Леха.

Его дружки появились на перроне, держа женщину за руки и ноги. Леха запрыгнул в вагон, втянул бесчувственное тело внутрь и спрыгнул назад в тот момент, когда поезд тронулся. Застучали колеса на стыках, загрохотали вагоны, обдали жутким запахом цистерны с нефтью.

– Счастливого пути, – пожелал Леха и спрыгнул вслед за дружками в темноту под насыпь.

Когда они в первый раз проделали этот номер, долго боялись, что «путешественник» наведет на них милицию. Зря волновались. Правда, после отправки в «путешествие» третьего клиента, к ним пожаловал участковый и еще один из линейного отдела. Стали расспрашивать, грозить, но бомжи держались уверенно, божились, что никого не трогали. Сам горе-путешественник ничего определенного сказать не мог, напали-то на него сзади. Так дело и заглохло. А бомжи снова меж собой говорили, что находит приключения только тот, кто их сам ищет.

Глава третья

Зеркально-чистая вода в ямке, высланной желтой травой, манила, на её поверхности играли веселые блики солнца, а узорчатые льдинки по краям посверкивали бриллиантами.

Женщина потянулась всем телом к воде, протянула выпачканные грязью руки. Пересохший рот требовал хоть глотка воды, в воспаленной голове замелькали чистые струи из-под душа, опрокинулись наполненные фужеры, радугой расцветилось небо, низвергающее потоки дождя.

Еще немного, еще одно усилие, твердила себе женщина. Она взялась за край платформы, подтянулась и вывалилась наружу. Боли женщина не почувствовала, так как была ослеплена одной мыслью: добраться до воды. Скатившись с насыпи, она на четвереньках добралась до наполненной водой ямки, упала на землю и стала пить, погрузив в воду все лицо. Ледяная вода обжигала кожу лица, расплавленным свинцом охватывала горло, но остановиться не было никакой возможности. Женщина подняла лицо от воды, набрала полную грудь воздуха и снова приникла к спасительной влаге. Ей показалось, что она могла бы выпить все, что было в ямке, но, сделав еще два-три глотка, остановилась, перевалилась на спину и замерла.

Океан без конца и края разливался над её головой, гнал по голубым волнам белые барашки облаков, носил по своей глади юркие лодочки больших птиц, а в глубине его золотом извергалось жерло кратера, освещая не только небесную гладь, но и все, что впитывало сейчас его тепло на земле. Промерзшая женщина наслаждалась потоком солнечных лучей, ласкающих её заледеневшее в воде лицо, согревающих тело сквозь кашемир пальто. Глаза женщины заслезились от яркого света, она крепко зажмурилась, но и сквозь сомкнутые веки ей виделся малиновый шар светила. Прошло несколько минут в покое и тепле, прежде чем послышалось ядовитое шипение пара и оглушительный лязг колес поезда. Женщина приподняла голову и бездумно проводила мелькавшие один за другим вагоны товарняка. Поезд набрал скорость и скоро исчез вдаль, оставив после себя запах мазута.

Слегка покачиваясь, путешественница опять же на четвереньках поднялась на насыпь, посмотрела вслед исчезающему в глубине лесного массива поезду. Она стояла на бетонных шпалах и ощущала их слабую вибрацию, которую посылал напоследок тяжелый состав. Женщина двинулась в ту же сторону, но идти по шпалам было неудобно, и она спустилась с насыпи, зашагала вдоль полотна. Длинное пальто цеплялось за бурьян, росший между насыпью и стеной леса, вдоль которого шла железная дорога. В этом же промежутке стояли бетонные столбы линии электропередачи.

Женщина быстро выбилась из сил, идя по столь неудобной дороге. Сапожки на высоком каблуке увязали в мягкой земле, пальто приходилось то и дело отцеплять от настырных засохших растений, чьи стебли были чуть тоньше её запястья. Она несколько раз падала, снова вставала и шла, надеясь, очевидно, на то, что рельсы приведут её в более обжитое, чем это, место.

В какой-то момент женщина остановилась, поводила в стороны головой, прислушиваясь. Потом она приложила ладони к голове, легонько ударила ими по ушам, помотала головой. Поезд давно исчез, а шум от него все стоял в голове, недоумевала женщина. Она все так же слышит перестук колес, звон металла и треск деревянной обшивки. Может, снова идет поезд?

Простояв на одном месте несколько минут и не дождавшись никакого поезда, женщина двинулась дальше.

Тихий осенний день приблизился к полудню. Незадачливой пассажирке с товарного поезда стало жарко на открытом месте, и чтобы спрятаться от солнца, она, пробравшись сквозь шуршащие заросли увядшей травы, спряталась в тени деревьев, чьи верхушки доставали до неба. Земля под ногами пружинила ковром из хвои, свежий запах смолы проникал через рот и нос в легкие, оставляя после себя вкус кедрового эликсира для зубов.

Вдруг сплошная стена деревьев оборвалась, и женщина увидела перед собой широкую просеку, по которой шли огромные металлические опоры линии электропередачи. Опоры уходили вдоль просеки, а гудевшие на них провода словно звали женщину с собой. Она глянула в ту сторону, где исчез поезд, потом оглядела просеку и застыла на несколько минут, решая, в какую сторону продолжить свой путь. Почему-то просека её больше привлекла, и она пошла по ней.

Сколько прошло времени – час или три, женщина не понимала. Солнце незаметно опустилось на верхушки деревьев, а потом стало исчезать за ними. Это напугало путешественницу, и она ускорила шаг. Просека не кончалась, а силы были на исходе. Все чаще женщина

прикладывала руку к желудку, дававшему ей знать, что пора бы и поесть. Спазмы становились все мучительнее, в голове начали звенеть колокольчики, а перед глазами все плыло и качалось. Снова хотелось пить, но нигде не было видно ямки с водой. Правда, на некоторых увядших листьях, как в чашечках, поблескивали капли влаги, но это была такая малость.

Подняв голову, женщина вдруг обнаружила, что не видит следующую опору: сумерки накрыли просеку, оставив впереди лишь квадрат светло-серого неба в обрамлении стройных стволов деревьев. Вместе с сумерками пришел страх.

Он неожиданно возник из слабого шороха деревьев, из рваных теней, преследующих её, из проникновения в её сознание чьих-то мыслей, требующих подчиниться им. Звук тихо хрустнувшей ветки под чьей-то осторожной ногой слева ударил по напряженным нервам. Женщина отпрыгнула в противоположную сторону и побежала, не разбирая дороги. Сумерки просеки тут же сменились темнотой леса, относительная свобода движения – крепкими объятиями высокого кустарника, молодых деревьев, что протягивали к ней свои гибкие ветки, высокой пожухлой травы, путами захлестнувшей ноги несчастной. Но она не сдавалась, бежала вперед, хотя несколько раз хотела упасть на землю, закрыть голову руками, сжаться в комок и ждать, когда страх покинет её. Но он был рядом, она слышала его дыхание, чуяла его звериный запах.

Боль в легких заставила женщину остановиться, прислониться к стволу дерева, чтобы восстановить дыхание. Она была одна среди дремучего леса, за нею гнался неведомый зверь, который тоже остановился, втянул носом воздух, клацнул сведенной зевотой пастью. Женщина оглянулась туда, откуда она пришла. Не надо было уходить с просеки, запоздало ругала она себя, не надо было забираться в дебри.

А зверь все ближе, и не один! Вон в стороне, совсем близко в полуметре от земли сверкнули два глаза, с другой стороны еще два! Страх, сковавший женщину, мутит сознание, выбивал из тела крупную дрожь. Она собрала последние силы и ринулась сквозь лес, сквозь темноту, ни на что не надеясь. Страшные тени неслись рядом, заставляя её поворачивать, подниматься на невысокие пригорки и срываться вниз, перебираться через завалы старых деревьев, проваливаться в топкие ручьи и бежать, бежать, бежать. Через какое-то время женщина вдруг поняла, что движется не по своей воле, а по воле тех, кто ведет её, направляет в определенную сторону.

Но, по крайней мере, она до сих пор жива, цела, чего не скажешь о каблуках, давно пропавших в мягкой земле, и пальто, лишившемся всех пуговиц, с изодранным подолом и рукавами.

Сил двигаться больше не было. Женщина хотела остановиться, дать отдых измученному телу, взбунтоваться против неведомых проводников, которые не давали ей ни минуты покоя, заставляли двигаться вперед.

– Я больше не могу! – крикнула она в темноту. – Я сейчас умру от усталости! Мне нужен отдых!

В ответ минутное затишье, а потом страшный вой, кнутом ударивший по расстроенным нервам женщины. Она закричала и снова побежала изо всех сил. Она умрет на бегу, подумалось ей, но это её уже мало волновало. Её воля была подавлена, разум, измученный страхом, отказывался служить, и только сердце, надорвавшись от непосильной физической нагрузки, болью держало её на поверхности, не давая упасть в пропасть, на дне которой она бы нашла вечный покой. Полностью потеряв ориентировку во времени и пространстве, женщина забиралась все дальше в лес, отталкиваясь от наступающих на неё деревьев, с трудом вытаскивая ноги из спутанной травы.

Когда она вдруг выскочила из лесного плена на свободу и над головой увидела весело подмигивающие ей звезды, она замерла. Глаза разглядели свободное пространство, огороженное изгородью из тонких стволов, а за нею дом, рядом с домом два стога сена. Окна дома были темны, а вокруг царил абсолютная тишина.

– Эй, – голос женщины был чуть слышен, – кто-нибудь, помогите!

Она подлезла под изгородь и заторопилась к дому. В призрачном свете звезд ей удалось рассмотреть крыльцо, дверь без замка. Она потянула массивную ручку и переступила порог. Страх остался по ту сторону двери.

Через мгновение из леса метнулись две огромные тени, перелетели через изгородь и двинулись к дому. Два волкодава шли друг за другом по следу человека, которого они довели-таки до места. Теперь можно было расслабиться.

Одна из зверюг растянулась у крыльца, исключая всякую возможность как пробраться в дом, так и покинуть его, другая, бесшумно ступая, дошла до сложенного в стог сена, но прежде чем улечься на облюбованное место, задрала морду к двум окошкам, прислушалась к тому, что происходит внутри дома. По-видимому, там происходило то, чего ожидал зверь, потому что он раздвинул огромные челюсти, со стоном зевнул и завалился на бок. До утра недалеко, нужно выспаться.

Глава четвертая

Андрей Жилин возвращался к себе, набив до отказа рюкзак и большую сумку. Мысленно он проверял себя, все ли купил в Успенске, хватит ли ему припасов. Рюкзак и сумка были не подъемные, и Андрей взмок в своей теплой куртке с капюшоном. Но ему было не при-
выкать, и десять с небольшим километров от узкоколейки, по которой ходил местный поезд Успенск-Колыванов, для него были пустяком. Тем более что погода в нынешнем октябре стоит на редкость: сухо, солнечно, не то что в сентябре, когда на две недели зарядили дожди. Он тогда сильно расстроился, думал, что и картошку не уберет, так и уйдет она под снег. Но, слив излишки воды в сентябре, природа порадовала погожими днями в октябре. Правда, температура для этого времени года немного ниже, чем обычно, но это искупалось тихой безветренной погодой и ярким, почти летним, солнцем.

Свернув с дороги на едва заметную тропу, Андрей решил передохнуть. Поставил сумку на землю, рюкзак снимать не стал: посидит немного и дальше двинется. Если бы Андрей курил, он непременно бы устроил перекур, но он не пробовал табака со времени службы в армии. Тогда, в Афганистане, его так контузило, что навсегда отбило охоту к никотину. Да и алкоголь оказался для него под запретом: со стограммовой рюмки в голове начиналась такая чехарда, что оставалось одно: как можно скорее окунуться в ведро с ледяной водой и лечь.

Контузия повлияла и на выбор профессии. Андрей окончил Успенский лесотехнический техникум и попросился в лес, где нет людской суеты и маеты, резких звуков общественного транспорта, а есть тишина, здоровый физический труд и возможность быть самому себе хозяином. Родители с решением сына не согласились, но, зная его упрямство, не стали давить, рассудив, что, отдохнув на природе и подлечившись, Андрей вернется к нормальной жизни.

Ждать им пришлось почти четыре года. Причиной же его возвращения стала молоденькая врачиха, присланная на практику. Вместо того чтобы отдавать свои знания и заботу пациентам, молодой терапевт Жанна Владимировна Трещова свое внимание направила на привлекательного лесника, который как раз проходил ежегодную диспансеризацию. Жанна была тоже привлекательна, и не успели родители глазом моргнуть, как сын повел врачиху под венец.

На свадьбе главврач больницы пообещал молодым квартиру в течение полугода, но, отгуляв на шумной свадьбе, молодые укатили в Нижнекамск, откуда была родом молодая жена Андрея.

Из Нижнекамска сын писал редкие письма, из которых родители узнали, что он работает по специальности на деревообрабатывающем предприятии, молодожены живут в небольшом домике, доставшемся супруге в наследство от престарелой тетки. Родители Андрея ждали приглашения на крестины, но проходил год за годом, а известия о пополнении семейства все не было.

В девяносто восьмом году Андрей вернулся домой разведенным. Жанна обвинила его в том, что он не может иметь детей, и заявила, что у неё есть другой мужчина.

Андрей прожил у родителей полтора года, пока ему не подвернулось место в Колывановском заказнике. Это была несусветная глушь, но Андрея это не остановило. Он разыскал в одной из брошенных деревень крепкую избу, купил её за копейки и перевез в заказник. Остальное было делом времени и упорного труда Андрея. Через год отец приехал его проведать и подивился, как все здорово устроено у сына.

– Не волнуйся, мать, – сказал он после жене, – сын не пропадет. Подожди, отсидится в глуши и сделает вторую попытку наладить свою жизнь.

Сам же Андрей считал, что жизнь его налажена, как нельзя лучше. У него был свой особый мир, свой распорядок, где главную роль играла природа. У него были преданные друзья – волкодавы Шах и Зула, в его заботе нуждалось многочисленное лесное семейство птиц, зве-

рей, а под присмотром были сотни гектаров векового леса, речки, что зарождались в торфяных болотах и несли свои воды в Каму. Его жизнь обрела смысл, а душа – умиротворение.

Два года назад он попробовал изменить свое одинокое, на взгляд родителей, существование, но ничего хорошего из этого не получилось. Третьей попытки, решил про себя Андрей, не будет.

Сидя спиной к лесу, мужчина слышал и чувствовал любое движение, будь то плавный полет слетевшего с родной ветки листа или осторожный бег мыши. Поскрипывание столетних стволов, длинная дрель дятла, всхлипы спрятавшегося под корнем ели родничка, шорох крыльев оставшихся на зимовку птиц или легкий скрежет острых коготков белок – всё это части целой картины жизни леса, близкой и понятной Андрею. В отличие от жизни людей.

Вот хрустнула ветка под мягкой лапой, клацнули зубы.

– Шах, это ты? Зула?

Ветки ближнего куста чуть шевельнулись, и Андрей рассмотрел сквозь них морду волкодава.

– Зула, – улыбнулся мужчина, – встречаешь.

Другая бы собака при виде хозяина бросилась бы ему навстречу, завиляла хвостом, преданно глядя в глаза. Но собаки Андрея были воспитаны в строгой дисциплине и духе товарищества, они были полны достоинства и свою преданность доказывали делами, а не фиглярством.

Зула вышла из кустов и чинно уселась в двух шагах от хозяина. Только слабое подергивание щек да слегка приподнятые брови говорили о радости волкодава при виде Андрея, который отсутствовал четыре дня. Но вместе с тем мужчина отметил и некоторую нервозность собаки.

– Что-то произошло? – спросил он и по судорожному зевку Зулы догадался, что прав в своем предположении. Но что могло произойти за то время, что его здесь не было? Случайные люди здесь не могли появиться, гостей он не ждал, а о браконьерах уже год ничего не было слышно – Андрей умел отвадить стрелков-хапуг от своей территории. Возможно, медведь объявился в здешнем лесу, или кабаны прошли слишком близко и взволновали собак? Ладно, скоро разберемся.

– Домой, – приказал Андрей.

Поправив на спине рюкзак и удобнее перехватив сумку, вслед за Зулой он двинулся вглубь леса, отмечая все больше признаков приближающихся холодов. По всем приметам уже в начале ноября ляжет снег, замерзнут реки, и закончится небольшой осенний перерыв в бесконечной череде дел лесника. Летом его главной задачей было, кроме непосредственной охраны леса, запастись корма для лесных жителей на случай суровой зимы, обеспечить себя дровами, съестными запасами, необходимыми медикаментами, патронами, книгами. Он знал, сколько сена понадобится лосям, сколько зерна тетеревам, если наступит бескормица. Андрей заранее очистил протоки, наметил, где придется рубить полыньи, чтобы рыба не задохнулась, нарубил про запас вешек.

От хозяйского взгляда не ускользнула ни новая семья волков, обустроившая себе жилище в старом овраге, ни бобровая запруда на месте, где раньше бобры не селились. Андрей знал наперечет крупные муравейники и дупла, где откладывали мед пчелы. Порядку в лесу он уделял больше времени, чем наведению порядка в доме, построенном на месте прежней развалюхи.

Тихое поскуливание Зулы отвлекло мужчину от мыслей. Собака ведет себя необычно, отметил Андрей, и явно торопится. Может, что-то случилось с Шахом?

Своих собак Андрей приобрел случайно, и это предопределило особые отношения между ними. Он считал, что верного друга нельзя купить на рынке или приобрести в специальном приемнике. Сама судьба должна свести человека и собаку. Шаха Андрей нашел в буквальном смысле на помойке.

Перед самым своим отъездом из Нижнекамска Жилин был в гостях у своего друга, тоже афганца, Сергея Ичигова. Сергей был в курсе сложных отношений между Андреем и Жанной, знал о планах вернуться к прежней профессии. Сергей не отговаривал друга, понимая, что тот уже все решил.

Посидели, как водится, вспомнили Афганистан, ребят, что не вернулись, обсудили непростую жизнь тех, кто вернулся больной или раненый, поругали правительство, что забыло о воинах, честно выполнивших свой долг. На столе стояла бутылка водки, правда, пил только Сергей, а Андрей налегал на домашние пироги, малиновый компот и холодец, который мастерски готовила жена Сергея.

Провожая друга до остановки, Сергей провел того ближним путем, через задворки, застроенные сараюшками и временными гаражами, мимо контейнеров с мусором. Возле контейнеров мужчины услышали тихие стоны и как будто детский визг. Посветив себе спичками, они обнаружили огромного волкодава с раздробленной головой, а рядом щенка. Щенок испуганно шурился на свет спички, боком прижимался к агонизирующей матери.

– Это ж какая сволочь собаку так уделала? – возмутился Сергей. Он наклонился ниже, зажег еще одну спичку. Череп собаки был раскроен выстрелом в упор, но она была еще жива, скребла лапами по замусоренной земле, видимо, изо всех сил пытаясь защитить щенка. Были ли другие щенки рядом, друзья не знали, во всяком случае, никаких звуков они больше не слышали. Андрей подхватил маленького волкодавчика, засунул под куртку.

– Ты говорил, что мне одному плохо будет в лесу, – напомнил Андрей другу, – а видишь, как получилось? Хорош чертенок! – воскликнул он, почувствовав, как беззубые челюсти щенка схватили его за запястье. – Товарищем я, считай, обзавелся. А насчет баб... Если не повезло сначала, так нечего ждать.

– Зря! Зря! – убеждал друга подвыпивший Сергей. – Свет клином на твоей Жанке не сошелся. Ты мужик видный, самостоятельный, к тебе бабы как мухи на мед должны слетаться. Вот погоди, поживешь в своем Успенске, осмотришься и найдешь себе.

– Нет, Серега, это я себе щенка нашел, а с женщиной должна встреча произойти, судьбоносная, как раньше говорили, понимаешь?

– Понимаю, – мотнул головой Сергей и чуть не завалился на бок, разъехавшись ногами на весеннем ледке. – Черт, как скользко! Будет встреча, я тебе говорю!

Задворки кончились, и друзья оказались напротив остановки.

– А здесь и вправду ближе, – оглянулся назад Андрей. – Ну, все, давай! – протянул он руку Сергею. – Будешь в Успенске, заходи.

Подождал полупустой автобус. Андрей поправил щенка за пазухой, хлопнул друга по плечу и поднялся на заднюю площадку.

– Вошедшие, передавайте за проезд! – услышал Сергей и помахал другу, усевшемуся у окна. Когда он возвращался тем же путем к дому, не поленился, посветил рядом с контейнерами. Собака с раздробленным черепом уже не подавала признаков жизни. Возможно, она поняла, что её щенок в надежных руках, и спокойно умерла.

– Бедняга, – посочувствовал Сергей. – Ему бы самому башку разнести дробовиком! Попался бы он мне там, в Афгане...

Андрей же привез щенка в Успенск, а потом поселился с ним в лесу. Его называли Шахом из-за морщинок на лбу, которые составляли рисунок в виде буквы ш. С первых дней щенок признавал только Андрея, брал пищу и воду лишь из его рук, и его нельзя было обмануть, подсунув миску, если к ней притрагивались чужие руки. Спать щенок укладывался исключительно на носках и тапках хозяина, придвигая их лапами к самому носу. Выгуливать щенка приходилось тоже Андрею. Шах всегда шел справа, на расстоянии шага от хозяина. Он не признавал никаких игр, никакой шутилой возни, одним словом, Шах.

К окружающим людям пес относился настороженно равнодушно. Не любил, когда к нему тянули руки, скалил зубы, когда чьи-то ноги оказывались в непосредственной близости, рычал, когда кто-то поднимал голос. Но больше всего Шах не терпел, когда происходило движение вокруг хозяина. Не дай Бог, если кому взбредет в голову обнять Андрея на глазах щенка! Тот серой молнией кидался к виновному и норовил дотянуться до колена или локтя, а то и вовсе до паха или глотки. Быстро узнав эту особенность, никто из знакомых не подходил к Андрею ближе, чем на шаг.

– Настоящий охранник растет, – намекнул отец Андрея. – За такую собаку другой бы полмиллиона не пожалел, чтобы оградить себя от внезапного нападения.

– Я друзей не продаю, – ответил Андрей.

Вскоре они с Шахом поселились в заказнике, и пес стал верным спутником в его долгих шатаниях по лесу, полном зверей. Они научились понимать друг друга без слов, слышать друг друга на расстоянии, действовать в непредвиденных обстоятельствах, опираясь друг на друга.

Не прошло и двух лет, когда у них появилась Зула. Зула была, как и Шах, чистокровным волкодавом, и ко времени встречи с Андреем ей уже было около полутора лет. С Зулой, считал Жилин, его тоже свела судьба.

Однажды приключилась беда: в Колыванове пропал школьник, который, по словам его одноклассников, собирался в лес. Были оповещены все службы, начат поиск, но ребенок как сквозь землю провалился. В поисках участвовали и Андрей с Шахом. Жилин легко ориентировался в лесу, мог по малейшим признакам определить, есть ли чужой вблизи. Ему было достаточно крика птицы или шелканья белки, чтобы распознать, зверь или человек бродит где-то рядом. Но в тот день лес никак не проявлял беспокойства по поводу вторжения чужака. Андрей встретился с капитаном милиции, который руководил поисками, и высказал свои соображения.

– Считаешь, в лесу его нет? – недоверчиво спросил капитан.

– Я могу ошибаться, но зверье никогда. Тихо в лесу. Да и Шах не прошел бы мимо чужого запаха. Искать надо в другой стороне.

Капитан долго молчал, потом дал команду сменить зону поиска.

– Садись, – предложил он Андрею, указывая на милицейский «уазик». – Проедем до Горелого поля, там поглядим.

Малолюдная деревушка с десятком жителей, располагалась в стороне от большой дороги. Зимой грунтовку заметало снегом, и на машине туда не проехать. Деревенские привыкли обходиться парой лошадей, на которых привозили себе хлеб и другие продукты из Колыванова, отправляли больных в медпункт. Сейчас проехать туда было нельзя, и капитан повел машину в объезд, по узкой асфальтированной дороге, которая шла к пилюрам и проходила в двух километрах от Горелого поля. Не успели они проехать половину пути, как заработала рация: мальчика обнаружили! Причем не в лесу, как предполагалось, а в районном центре, где он шатался по автостанции.

– Вот стервец! – ругнулся капитан. – Будь я его отцом, выдрал бы за милую душу. Столько людей взбаламутил! Второй день не спят!

Капитан остановил машину, закурил.

– Пойду отолю, – сказал он и выпрыгнул на дорогу. За ним следом отправились еще два милиционера. Андрей и Шах остались в машине. Жилин устало откинулся на спинку сиденья. Он тоже не спал с той самой минуты, как сообщили об исчезновении мальчика. Зимнее солнце, отражаясь от голубоватого снега, слепило не хуже сварки. В глазах прыгали черные и алые зайчики. Глядя вдоль дороги, Жилин вдруг заметил, как с верхушек деревьев лесополосы взвились две пары ястребов и, сделав круг, снова опустились, но чуть ниже.

– Шах, – позвал Андрей пса, развалившегося у ног, и выпрыгнул из машины. Милиционеры стояли в сторонке, курили и лениво перебрасывались замечаниями по поводу хорошей погоды и ближайшего выходного.

– Ты куда? – закричал вслед Андрею капитан. – Сейчас поедem.

Жилин поднял руку в знак того, что понял, но не остановился. Он быстро шел к тому месту, где заметил птиц, и все поглядывал на Шаха. Пес, стоило хозяину выпрыгнуть из машины, напрягся, вытянул вниз шею и, подрагивая шкурой, двинулся вслед, не отставая ни на шаг. Когда до намеченных деревьев осталось не больше десятка метров, пес оскалился, утробно рыкнул и в два прыжка скрылся в заснеженных кустах, растущих между деревьями. Через секунду оттуда донесся его хриплый лай, который Жилин перевел как: «Беда!». Андрей прибавил шагу и, проваливаясь в сугробе, двинул туда, куда звал его Шах.

– Т-т-твари! – первое, что пришло на ум и язык Андрея, когда он оказался в середине лесополосы. На маленьком вытоптанном пятачке среди деревьев, в стальном ошейнике, пристегнутом к железной цепи, которая в свою очередь была намотана на нижний толстый сук дерева, едва держась на дрожащих лапах, стояла исхудавшая до крайности собака. Это тоже был волкодав, только сука.

– Твари! – зло выкрикнул Андрей и смело протянул руку к ошейнику. Железка упала, а несчастная собака, чтобы не упасть, боком привалилась к стволу дерева и настороженно поглядывала то на Андрея, то на огромного кобеля. Шах сидел как изваяние, и только правая щека его чуть подрагивала, да брови шевелились, словно он отгонял надоедливых мух.

Надо было что-то делать. Оставлять измученную собаку здесь, далеко от жилья, было нельзя, а взять с собой рискованно: вдруг она бешеная, кинется на людей. Пока Жилин раздумывал, Шах взял инициативу на себя. Он медленно приблизился к суке, дыхнул ей в морду теплым паром и сделал два шага в сторону дороги. Сучка качнулась, но удержалась на лапах и, приседая на задние лапы от слабости, двинулась вслед за кобелем. Андрей пошел за ними, готовый в любую минуту подхватить несчастное животное и на руках вынести к машине.

У машины в изумлении замерли милиционеры.

– Это волк? – испуганно спросил один из них.

– Собака, – успокоил подчиненного капитан. – Откуда? – спросил он Андрея.

– Какая-то тварь бездушная приковала собаку в посадке, оставила умирать, – Жилин напряженно следил за поведением суки. – Еще бы сутки и подохла.

– За что же ей такое наказание?

– А ты у неё спроси.

Найденная собака, словно поняла, что говорят о ней, приблизилась вплотную к Шаху, прильнула головой к его голове.

– Ты гляди! – восхитился капитан, – благодарит за спасение. Умная!

Он откинул подальше окурки, скомандовал:

– Грузимся.

Открыли багажник. Шах первым запрыгнул в машину и зовущим взглядом уставился на найденку. Та, не отрываясь, смотрела на него, но запрыгнуть внутрь сил у неё не было. Шах чуть помедлил, потом снова спрыгнул. Он подsunул голову под тощее брюхо собаки и толкнул вверх.

– Давай помогу, – понял его Андрей. Одним махом он вскинул собаку в багажник и бережно опустил на замасленное тряпье, хранящееся там. Шах тут же оказался рядом с сукой, успокаивающе лизнув ей морду. Капитан закрыл багажник, все расселись по местам, и «уазик» понесся к Колыванову. Всю дорогу милиционеры обсуждали вопрос, за что обрекли собаку на такую страшную смерть.

– Пристрелили бы, и дело с концом, а зачем животное мучить?

– Его бы самого вот так же привязать и оставить на морозе.

– Интересно, сколько она здесь уже?

– Андрей, – обратился капитан к Жилину. – Ты ведь в курсе того, у кого здесь волкодавы. Не знаешь, кто бы это мог сделать?

– Не знаю, – Андрей всё не мог успокоиться. Если бы он знал, кто обрек псину на такое изуверство, посчитался бы по-своему.

– Ну и куда теперь собаку? – не унимался капитан. – Объявление бы дать, но не напишешь же, что ищем хозяина, который решил уморить собаку голодом и холодом.

– Со мной пойдет, – тихо ответил Жилин. – Да и Шах теперь вряд ли её от себя отпустит.

– Это точно!

– Видать понравилась она ему, – хохотнул один из милиционеров, перевесившись через спинку сиденья и глядя на тесно прижавшихся друг к дружке собак. – Ты, гляди, недоволен, что потревожили их уединение.

– Не трожь! – предупредил Андрей. – Я в своем уверен, а сука может действовать непредсказуемо. Вдруг бросится.

Милиционеры торопливо отвернулись, опасливо подняли воротники полушубков. До Колыванова ехали в молчании. Жилин думал о том, приживется ли найденная им собака у него. А может, кинется искать прежнего хозяина? Вдруг не поняла, что тот хотел сделать? Мысль, что собаку увел чужой и по какой-то причине оставил на верную гибель, не приходила Андрею в голову. Он знал, что волкодава, даже молодого, невозможно насильно увести, не говоря уже о взрослой псине. Нет, в лесопосадку собаку привел хозяин, а вот что заставило его это сделать, им не узнать. Ну и ладно, что было, то прошло. Захочет остаться у них с Шахом в лесу, пусть остается, нет – скатертью дорога и пожелание больше не попасть в лесополосу. На второй счастливый случай рассчитывать ей не придется.

Добравшись до заказника, Андрей пошел к жилью, не оглядываясь, давая возможность найденке идти за ним или отправиться к месту прежнего проживания. Через два часа Андрей был у себя, помылся, приготовил поесть. Запивая сытный обед кружкой крепкого чаю, услышал на крыльце шаги Шаха.

– Пришел? – Андрей поставил миску перед мордой пса. – Ешь.

Потом он огляделся, но найденки нигде не было. Значит, не пошла, не помогли и уговоры Шаха. Жилин хотел было уже уйти с крыльца, но тут увидел, что пес взял миску в зубы, потащил её за дом, туда, где были сложены стожки сена для лосей. Он двинулся следом и увидел едва дышащую собаку. Длинный путь по лесу окончательно измучили её, израненные лапы кровоточили. Андрей подождал, пока Шах донесет до суки миску с едой, а та, с трудом приподняв голову, возьмет первый кусок. Если позволить собаке съесть всё содержимое миски, то она умрет от несварения.

Осторожно приблизившись, Андрей палкой отодвинул миску от голодной собаки. Та равнодушно проводила взглядом еду и откинула голову на мягкую подстилку. Шах никак не отреагировал на действия хозяина – он ему доверял. Жилин сходил в дом, в другой миске разболтал банку сгущенного молока с теплой водой и ложкой рыбьего жира. Теплое питье он отнес найденке, подsunул под самую морду. Собака благодарно взглянула на человека и приникла к миске. Она пила долго, с перерывами, с отдыхом. Живот её заметно вздулся, а глаза осоловели. Андрей потоптался у стожков еще несколько минут, а потом, вытащив из миски Шаха пару кусков мяса, кинул их ближе к голодной собаке и вернулся в дом. Утром он нашел найденку на том же месте, только в обнимку с Шахом. Верный пес смущенно поднялся, отошел в сторону.

– Как ты? – присел на корточки Андрей. Сука подняла голову, попыталась встать. Она была еще слаба и, вероятно, сильно простужена. Чтобы убедиться в этом, Андрей осторожно дотронулся до собачьего носа. Нос был сухой и горячий. – Придется тебя лечить, – вздохнул Жилин. – Но смотри, если укусишь меня, брошу все, и лечи себя сама. Ясно?

Вместо неё ответил Шах.

– У-уа-а-а-у-у...

А найденка в ответ:

– Зу-у-уа-а-а-а!

– Вот и поговорили, – улыбнулся Андрей и пошел к дому. Но на полпути остановился. – Как ты сказала? Зуа! Я буду тебя звать...Зура...нет, Зула! Точно, Зула!

Как ни странно, собака отозвалась на имя, коротко твякнула. Шах тут же подбежал к новой подруге, беспокойно задышал. Она ответила ему, лизнув морду.

Андрей же вернулся со шприцем в руках. Не зная, как поведет себя Зула, он на всякий случай обернул левую руку старой курткой и взялся за холку. Правой рукой он быстро ткнул иглу в бедро собаки, выдал антибиотик и так же быстро вытащил назад. Зула чуть дернулась от укола, но не двинулась с места, не зарычала.

– Молодец, Зула, – похвалил Жилин. – Дело у нас пойдет. От простуды я тебя вылечу, а лапы сама залижешь.

Он погладил собаку меж ушей, потрепал по спине. Она была спокойна.

– Сейчас я тебя покормлю.

На этот раз Андрей вынес две миски: одну для Зулы, другую для Шаха. Только в миску Зулы он налил больше теплой воды и снова добавил рыбьего жира. Через час он снова наведal собак и усмехнулся: в чисто вылизанной миске Зулы лежала большая кость, которую Андрей клал в миску Шаха.

– Это ты верно сделал, – похвалил он Шаха. –Закон гостеприимства прежде всего. Да и к женщине без подарка не подкатишься. Так? Приду в обед, сделаю еще укол.

Так и осталась Зула с ними в лесу. Неизвестно, чем не угодила Зула прежнему хозяину, но Андрей на неё не мог пожаловаться. Единственно, что смущало его, это невероятное выражение глаз Зулы, когда она смотрела на него. Это был человеческий взгляд, понимающий и всепрощающий, преданный и любящий, признающий за человеком право распоряжаться её, Зулиной, жизнью. Собака никогда не ласкалась к хозяину, не бросалась навстречу, соскучившись после долгого отсутствия Андрея. Но хозяин чувствовал, что может положиться на спасенную им собаку в любой ситуации, даже в такой, когда не на что будет надеяться. Зула без раздумий пожертвует своей жизнью ради него, встанет на защиту против любого врага. И даже согласится снова быть привязанной к дереву и переживать страшные ночи и дни в полном одиночестве, не считая терпеливых ястребов, ожидающих добычи, мучиться приступами отчаяния, голода и пронизывающего холода, если это понадобится хозяину.

Зула оказалась умной и послушной собакой. Между нею и Андреем установилась такая же молчаливая связь, что между ним и Шахом. Зула быстро поняла, что требуется от неё и как вести себя при встрече с лесными обитателями. Она обладала более развитой, чем у Шаха способностью чувствовать чужака на дальнем расстоянии, безошибочно определять настроение хозяина, даже если он находится в десятке километрах от их жилища. Если бы она умела говорить, то рассказала бы Шаху, что Андрей до сих пор носит в своем сердце занозу по имени Регина, и именно эта молодая женщина порой является ему в снах, после которых хозяин особенно сумрачен и неразговорчив.

Но сегодня у хозяина было хорошее настроение, определила Зула. Только как он примет появление в его доме человека, женщины, издающей смесь запахов, самым знакомым из которых для собаки был запах лошади? Может, они с Шахом ошиблись и зря привели эту женщину к дому хозяина? Но иначе та могла погибнуть в лесу, который не терпит неподготовленных путешественников, самонадеянных новичков и безрассудных смельчаков, считающих прикамский лес городским парком.

Ладно, мудрый хозяин разберется с гостьей, лишь бы успеть вовремя: сегодня под утро Зула проснулась от щемящего беспокойства, которое охватывает всех собак в предчувствии смерти. Женщина, находящаяся сейчас в доме на лесной опушке, близка к страшному переходу от жизни к вечному небытию. Потому так сжимается глотка у Зулы от рвущегося протяжного воя, свидетельствующего о приближении непоправимого, потому она так рвалась навстречу

хозяину, а сейчас всем своим видом торопит его, тревожно шевелит бровями и судорожно зевает, обнажая влажные клыки, что заменяет ей длинную речь по поводу случившегося.

Глава пятая

Шах встал на задние лапы и заглянул в оконце, что выходило на крыльцо. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: в доме все без изменений. Женщина мечется на постели хозяина, выкрикивает в беспамятстве странные слова, иногда приподнимается и испуганно оглядывается. Со своего места Шаху видно, что на женщине, вместо её длинного пальто, сейчас надета длинная полосатая майка хозяина, и когда больная вдруг сбрасывает с себя одеяло и овчинный тулуп, то обнажаются ноги до середины бедра.

Рядом с постелью стоит стол, на котором разложены шприцы, флакончики с лекарством, вата и бутылка с прозрачной жидкостью. Шах в курсе, что жидкостью его хозяин протирает место, куда следует вогнать иглу с повисшей на ней каплей. Когда пес видит, как в очередной раз хозяин втыкает иглу в белое тело женщины, его шерсть непроизвольно поднимается на загривке, он морщит нос и поскорее опускается на доски крыльца. Уже которые сутки они с Зулой сидят в бездействии, а хозяин выходит из дома, только чтобы покормить их. По правде сказать, они бы с подругой обошлись и без кормежки, благо лес кишит всяческой живностью, но не могут они отойти от дома, бросить хозяина одного.

Стукнула входная дверь, на крыльцо вышел Андрей. За те несколько дней, что он ухаживал за неожиданной гостьей, мечущейся в жару, он практически не ел, только без конца пил крепкий чай. Лесник до сих пор пребывал в недоумении, откуда она взялась здесь? Прийти на прогулку в такой лес – нереально, приехать на машине, например, на пикник – невозможно из-за отсутствия дороги. Правда, есть тут недалеко старая заросшая колея от мотоцикла. Превоспелый хозяин заказника накачал её, добираясь до Колыванова. Но об этой колее мало кто знал, тем более что она проходила в непосредственной близости от страшного места, которое местные жители прозвали Зыбки. Это была часть болота, маскирующаяся под невинный лужок. Колея в этом месте спускается с небольшого пригорка вниз, а потом круто забирает вправо. Разогнавшись на спуске, человек, не знакомый с местностью или просто невнимательный, легко мог сорваться на вираже и рухнуть в Зыбки. И всё! Верхнее травянистое покрытие расступалось, обнажая черный без малейшего проблеска омут, откуда не было возврата ни человеку, ни зверю. Любая вещь, любое живое существо исчезало в Зыбках в течение минуты. Старый лесник рассказывал, как на его глазах однажды здесь утонул лось, прыгнувший в Зыбки с испугу.

– Мало того, что его тянуло на дно, так еще какая-то неведомая сила сжимала несчастное животное как тисками. Язык вот так вывалился, глаза выкатились, а шея в этом месте так вздулась, словно вся кровь подступила к ней. Я тогда винтовку схватил да шарахнул лосю в голову, чтоб не мучился. И знаешь, почудилось мне, словно отпустило его, обмякло тело, и так тихо пошло ко дну. Если, конечно, у Зыбков есть дно, – задумчиво закончил лесник страшные воспоминания.

Андрей не раз бывал у Зыбков, но каждый раз испытывал такое неприятное чувство, словно проходил мимо входа в ад. Когда страшное место оставалось позади, чувствовал, что он весь в поту, а руки и ноги дрожат, будто его внезапно поразила болезнь Паркинсона. Андрей пытался успокоить бешено стучащее сердце, вспоминая, что похоже оно стучало, когда его взвод попал в засаду в афганских горах.

Если женщина пришла по старой колее, то ей крупно повезло, потому что одна сторона колеи имеет уклон, а прошедшие в сентябре дожди, наверняка, сделали его еще круче. В том состоянии, в котором была женщина, оступить и шагнуть в Зыбки было проще простого.

Ни документов, ни каких-либо вещей у женщины не было. На ней было модное кашемировое пальто, изодранное по подолу и на рукавах, под ним черный костюм из шелковистой ткани и кремовая, украшенная кружевами майка на тонких лямках. Такие штучки, помнится, его жена называла топами. Белье под костюмом было дорогим, белоснежным.

Когда Андрей раздевал неожиданную гостью, находящуюся без сознания, он обратил внимание, что кожаные сапожки были без каблуков, а на их месте явно обозначались места, где они были раньше. Не мудрено в таком лесу потерять каблучки. Хорошо, только их, а могла бы и жизнь потерять. Спасибо собакам, привели к дому, не то лесное зверье быстро бы растащило мертвое тело, и никто никогда не нашел бы следов.

Андрей сел рядом с Шахом, свистом подозвал Зулу. Зула тут же появилась из-за угла. Она, как облюбовала себе место у стожков, так и не изменила своей привычке. Шах же предпочитал валяться у крыльца или на крыльце под дверью.

– Ну, кто мне скажет, откуда взялась здесь эта дамочка? Явно городская, к нашей жизни не приспособленная, одетая, можно сказать, не по сезону?

Собаки разом вздохнули, но свои мысли оставили при себе. Скоро начнется сезон охоты, а хозяин, озабоченный состоянием здоровья женщины, и не думает готовиться к этому важному делу. Зула нервно прогнулась, клацнула зубами по шерсти. От хозяина пахло лекарством, а она до сих пор помнит с таким же запахом жалящие уколы, после которых она поднялась на ноги. Но ей тогда понадобилось всего два дня. Видимо, собаки более живучи, чем люди, и женщина, несмотря на лечение, мечется в жару до сих пор.

Ранние осенние сумерки окружили лесную поляну, размыли картину подступающего леса. Теперь казалось, что это не лес, а ровная высокая стена окружает крепкий дом с высоким крыльцом, баньку, длинный навес с аккуратно уложенными в десять рядов дровами.

До крыльца долетает слабый шум леса, готовящегося к смене дневной жизни на ночную. Слышится, как устало выталкивает из земли свои кристальные воды родник, от которого до дома проложена труба, идущая в специально оборудованную емкость. По всем признакам, завтра опять простоят погожая погода. Самое время поохотиться. Но как бросить женщину, думает Андрей. Если та до утра не придет в себя, ему придется идти в Колыванов, просить помощи. Разумеется, нужно будет давать объяснение, каким образом в лесу оказалась эта городская гостья.

Жилин устало поднялся, пошевелил мощными плечами, подвигал затекшей шеей.

– Пойду, – сказал он собакам. – Пора укол делать. А не поможет, завтра в Колыванов пойду. За помощью.

Шах и Зула внимательно прислушивались к словам хозяина, и хотя значения некоторых слов им было непонятно, но общий смысл они уловили. Но главное, за короткими фразами явно звучало нежелание хозяина избавиться от гостьи, не узнав, по какой причине она здесь оказалась. Это сильно обеспокоило собак, потому что они помнили, чем кончилась история, когда их хозяин вот так же не хотел расставаться с Региной, из-за которой чуть не лишился жизни.

Зула обеспокоено взвизгнула и помотала головой, Шах вскочил, бросил взгляд на оконце, за которым металась в горячке женщина и, сделав вокруг себя три круга, снова улегся на широкие доски крыльца, обреченно закрыв свои умные глаза.

Как ни странно, Андрей понял, чем взволнованы собаки. Он потрепал по загривку Шаха, провел ладонью меж ушами Зулы.

– Зря волнуетесь, – сказал он тихо, – такого, как с Региной, не будет. Слово даю.

Собаки никак не отреагировали на его слова, и Андрей, постояв в задумчивости еще минуту, открыл дверь в темные сени. Через несколько секунд в доме загорелся свет настольной лампы у постели больной. Смотреть, как плавно входит блестящая игла в тело женщины, собаки не стали. Они дружно поднялись и бесплотными тенями растворились в темноте. Им следовало позаботиться о свежем мясе для себя и хозяина. Кроме того, ночная охота захватывает, реализует древний охотничий инстинкт прародителей собак. Такая охота будоражит кровь, обостряет чувства, закаливает тело. А жирная тушка пестрого петуха будет лучшей наградой за труды.

Скользнувшие между деревьями тени приостановились на мгновение, отметив, как замер вдруг лес, уловив присутствие серых охотников, а затем исчезли, не потревожив лапой ни тонкой веточки, ни засохшего листика.

Всю ночь Андрей не отходил от больной. Он не был медиком, но за десять лет рядом с Жанной кое-чему научился и знал, что существуют кризисы в болезни, после которых или человек идет на поправку, или ему становится совсем худо, вплоть до летального исхода. Именно такой кризис и наблюдал он этой ночью.

Еще два дня назад Андрей догадался, что горячка его гостыи вызвана не столько простудой, сколько нервным потрясением. Он мог предположить, что женщина переохладилась, тем более в такой не по сезону легкой одежде. Ну, скажите на милость, как не замерзнуть, когда подошвы модных сапожек чуть толще бумажного листа? А белье и вся прочая одежда, которая вполне годится для теплого помещения, а никак не для предзимнего леса! Вот уж истинно: форс морозу не боится! А ему теперь мучайся, вытаскивай её из горячечного бреда, прислушивайся к длинным тирадам. Вон опять заговорила.

– Кира...нельзя так...я ничего не успеваю...где моя ручка? Бориса нет дома...ну сколько тебе говорить...мне пора...

Женщина продолжала жить той жизнью, из которой её вырвали, но она еще не знала об этом. Она не догадывалась, что стала дальше от Москвы, чем была до того момента, как решилась сократить пусть до железнодорожной станции, пройдя через глухой угол. Не догадывалась, что её разыскивает не только милиция, но и друзья, знакомые, родные. Кому придет в голову искать её за тридевять земель, в чаще леса, в доме лесника? Еще один без вести пропавший человек, прозвучало в милицейской сводке, а родным и близким оставалось надеяться лишь на чудо.

Под утро жар заметно спал, женщина покрылась сильной испариной, бред прекратился, и Андрей, успокоенный тем, что кризис миновал, а больная стала ровно дышать, решил поспать хоть часик. Но когда он проснулся и испуганно подскочил с лавки, где спал на старом байковой одеяле, в окна уже вовсю били лучи солнца.

Жилин на цыпочках подошел к постели. Ресницы больной чуть трепетали, подергивались губы, словно хотели улыбнуться или сказать что-то веселое, пальцы теребили край одеяла.

– Как вы себя чувствуете? – чуть слышно спросил Андрей, чтобы не испугать женщину.

Ресницы дернулись сильнее и медленно разошлись, открывая светло-серые глаза. Первое, что они увидели, было заросшее бородой лицо, густые широкие брови, три глубокие бороздки на широком лбу и седой ежик на голове. Сосредоточившись на лице, женщина отметила длинный шрам, идущий от внутреннего уголка левого глаза через переносицу, а дальше через правую щеку до самого уха. Шрам был старый, заживший и заметить его можно было, лишь внимательно приглядевшись, да на близком расстоянии. Под густыми бровями обнаружили темно-карие глаза, вокруг мелкие морщинки, а среди густой поросли бороды крепко сжатый рот с чуть оттопыренной верхней губой.

– Как вы себя чувствуете? – снова повторил бородач.

– Нормально, – разлепила губы женщина и улыбнулась. – Здравствуйте.

– Здравствуйте.

Глаза женщины забегали по потолку, по стенам, по залитым солнечным светом окнам.

– А где это я?

– У меня, – ответил бородач.

– А вы кто?

– Я лесник, Жилин Андрей Степанович.

Женщина опять улыбнулась.

– Здравствуйте, Андрей Степанович...

– Зовите меня просто Андрей.

– Неудобно, – смутилась женщина, – вы все-таки...пожилой человек...

– Мне всего-то сорок, – ответил бородач и погладил себя по лицу. – А бороду я к зиме отращиваю, чтобы теплее было.

– Как мило!

– А как вас зовут? – спросил Андрей.

Женщина открыла улыбающийся рот, готовясь произнести свое имя, но замерла.

– Меня зовут...ой...ха-ха-ха! Я что-то растерялась, просто голова кругом! – засмеялась женщина, но видно было, что ей не смешно. – Черт возьми! Я что свое имя позабыла?

Андрей внимательно поглядел на гостью. Она нахмурила лоб, как человек, пытающийся припомнить нечто важное, закусила в досаде губу и даже стукнула кулачком по постели.

– Помогите мне, – попросила она и протянула Андрею руку. – Я хочу подняться!

Мужчина взял маленькую ручку в свою огромную ладонь и тихонько потянул к себе. Женщина поднялась, но тут же со стоном закрыла глаза.

– Ой, – пискнула она и крепко сжала пальцы Андрея.—Голова кружится.

Жилин осторожно уложил женщину снова на подушку, сунул руку в глубокую миску с водой, достал оттуда тряпку, отжал её и положил на лоб больной.

– У вас, наверное, сотрясение, – предположил он, глядя в побледневшее женское лицо. – И не мудрено: на затылке кожа рассечена. А такое возможно от удара чем-то тяжелым и довольно острым. Например, молотком.

– Меня ударили молотком? – простонала женщина, не открывая глаз.

– Не знаю, но удар был сильным, и рана довольно глубокая.

Женщина потянулась рукой к голове, но Андрей перехватил её, с силой уложил назад.

– Не трогайте, – предупредил он. – Рану я промыл, наложил три шва и перевязал. Сегодня сделаем перевязку.

Больная решила открыть глаза. Было видно, что ей нехорошо, наверное, голова кружится или тошнит.

– Попейте, – предложил Андрей. Он приподнял её немного и поднес к губам кружку с травяным отваром. Та сделала несколько глотков и жалобно посмотрела на него.

– Голова кружится, и в ушах звон. И комната качается...Мне пло-о-о-охо!

– Сейчас, сейчас, – опустил Андрей женщину на подушку. – Полежите спокойно, не разговаривайте и не открывайте глаз.

Он зашарил по столу, нашел ампулу с нашатырем, отломил кончик и смочил ватку. Сначала женщина не среагировала на резкий запах, но потом сморщилась и отвела лицо в сторону.

– Вот и хорошо, – заговорил Жилин. – Вам сейчас надо отдохнуть, а я пока сделаю вам укол.

– Укол?

– У вас все эти дни была высокая температура, и я вам колол антибиотики, – отчитывался Андрей. – Сегодня пятый день пошел...

– Пятый?

– Да, пять дней назад вас нашли в лесу мои собаки.

– В лесу? А...

– Не открывайте глаза! – предупредил Андрей. – И не говорите ничего. Я вам сам все расскажу.

Но прежде чем начать говорить, Жилин зарядил очередную порцию антибиотика и вколол женщине в мягкое место. Она никак не отозвалась на это, хотя тонкие пальцы так крепко сжали край одеяла, что костяшки побелели.

– Ну, вот и хорошо, – похвалил то ли себя, то ли больную Андрей. – Сейчас измерим температуру, попьём целебного чайку, и вы будете отдыхать.

– Вы обещали рассказать...

– Да, конечно, но это терпит.

Жилин встал со своего места, прошел к стоящей посередине печке-голландке, где на чугунной плите грелись эмалированный чайник и маленькая кастрюлька с отваром. Он налил в кружку отвара из кастрюльки, добавил кипятку и вернулся к столу. Из пол-литровой банки на столе Андрей добавил в кружку столовую ложку меда, тщательно размешал питье и наклонился над больной.

– Я вас немного подниму, а вы глаза не открывайте. Вот попейте, вам станет легче.

Жилин поднес кружку к губам женщины. Та сделала несколько глотков.

– Спасибо. Очень вкусно.

– Вряд ли, – хмыкнул Андрей. – Но зато полезно: считай, такой же антибиотик, только внутрь надо принимать. Любую заразу убивает.

Женщина вдруг подняла руку и потрогала повязку на голове.

– Болит? – забеспокоился Андрей. – Может, обезболивающий укол сделать?

– А у вас тут целая больница? – в свою очередь спросила гостья, не открывая глаз. – Странно...

– Что странно?

– Странно, что я с вами разговариваю, а слова против моей воли выскакивают.

– Как это?

– Не знаю, говорю, а сама пытаюсь вспомнить, как меня зовут. Причем, говорю, не думая, а то, о чем думаю, никак не приходит.

Андрей сел у постели больной, взял её за руку.

– Ничего, все будет нормально. Просто вы еще слабы, да и удар по голове...

– Вы считаете, что был удар? А может, я сама упала?

Мужчина на мгновение задумался, а потом убежденно проговорил:

– У меня большой опыт в таких делах... Служил в Афганистане, сколько лет в лесу живу, насмотрелся всякого. И могу отличить, где человек сам ударился, а где его ударили. Вашу голову разбили, и я бы предположил, что удар был нанесен со всей силы, можно сказать, профессионально. Убивать вас не хотели, но вырубить, это да.

– Зачем?

– Ну-у-у-у, вам лучше знать.

– Конечно, лучше, – печально произнесла больная и вздохнула, – но я не знаю. Даже вспомнить не могу, как меня зовут.

Женщина открыла глаза и посмотрела на Андрея.

– Мне память отбили. Такое может быть?

– Не знаю, – честно ответил Жилин. – Я в Афгане контузию получил, так две недели не говорил, только мычал. Врачи подумали, что таким и останусь, а я заговорил. Правда, иногда забывал простые слова, заикался как-то. Но потом все прошло. Вот и у вас пройдет.

– Правда? – с надеждой поглядела Андрею в глаза женщина.

– Без проблем.

– Тогда расскажите мне, как я здесь очутилась, – попросила женщина и добавила, – мне сесть хочется.

– А может, не надо, вдруг голова закружится.

– А мы потихоньку.

– Ну, давайте.

Андрей осторожно приподнял женщину, подсунул ей под плечи подушку, чтобы было удобно. Сам он устроился на широком табурете, не рискуя сесть на кровать, на которой расположилась больная.

– Меня дома не было, когда вы появились здесь, и я голову ломаю, откуда вы здесь. Случайно в этот лес не попадешь. Не с самолета же вы свалились?

Женщина потерла забинтованный висок.

– Я смутно помню какой-то поезд. Это было очень важно для меня. Мне кажется, я ехала на поезде.

– Ну, это вряд ли, – с сомнением в голосе проговорил Андрей. – Ближайшая ветка железной дороги в пятнадцати километрах отсюда, а до ближайшей станции все тридцать наберется. Не выпрыгнули же вы из поезда на ходу.

– Не на ходу, – уставясь в одну точку, проговорила женщина. – Поезд стоял, а мне хотелось пить. Точно! – воскликнула она. – Я хотела пить, а вода была рядом. Я потянулась...

– И что? – затаив дыхание спросил Жилин.

– Не помню, – оживление на лице женщины погасло. – Мне стало очень одиноко. Я это помню. И я пошла.

– Куда?

– Туда, куда ушел поезд.

В комнате повисло молчание. Андрей не мог поверить, что она приехала сюда на поезде, вышла среди леса и каким-то образом оказалась здесь.

– Не может такого быть, – высказал он свое сомнение.

Женщина молчала, но было видно, что она пытается вспомнить хоть что-то.

– Я припоминаю, что шла вначале вдоль рельсов, потом появился такой прогал в лесу, ну... как просека что ли. Там были огромные опоры высоковольтной линии. Провода надо мной так пели... Ы-ы-ы-ы-ы...

– Опоры?

Андрей знал, где проходит линия, но и оттуда тоже далеко до его дома в лесу – километров семь-восемь будет.

– А дальше?

– Дальше? – задумалась женщина. На её лице вдруг возникло выражение страха. – Дальше было очень страшно. Кто-то шел за мной. Я много раз оглядывалась, но никого не видела. Вначале мне показалось, что за мной крадется человек. Он так вздыхал... Потом я подумала, что это зверь, например, волк. Здесь волки водятся? – зябко передернула она плечами.

– Угу, – ответил Андрей, но при этом улыбнулся. – Они тут смирные.

– Да-а-а-а? – не поверила женщина. – А я тогда очень испугалась. Какие-то тени преследовали меня, не давали передохнуть. Они требовали, чтобы я двигалась вперед, сворачивала... Я все бежала и бежала. Вот здесь, – женщина приложила руку к груди, – было так больно, распирало. Я не могла остановиться ни на минуту...

Андрей догадался, что преследовали, вернее, вели женщину, его собаки. Где было ей знать, что волкодавы никогда не показываются чужому, но приведут того именно туда, куда надо. Однажды в лесу заблудился охотник и запросто погиб бы, но Шах, обнаруживший его, вывел на старую просеку, откуда охотник и добрался до жилья. Причем, Шах так ни разу и не показался охотнику на глаза. Заблудившийся потом рассказывал, что какой-то зверь перегораживал ему путь, пугал из зарослей и заставлял поворачивать в нужную сторону.

– Если бы не зверюга, я не знаю, что со мною было бы, – рассказывал после всего случившегося горе-охотник. – Вел меня как несмышленища. А ведь я не первый год в этих местах охочусь.

Андрей знал о способности своих собак выводить людей поближе к жилью, поэтому не видел ничего особенного в рассказе гостя.

– Я совсем не помню, как оказалась здесь, – морщила лоб женщина. – Наверное, инстинкт самосохранения вел меня. А я действительно в лесу? – повернула она голову к оконцу. – Ой!

С той стороны окна на неё смотрел и скалил зубы в улыбке темно-серый зверь. Заметив реакцию женщины, зверь смущенно отвернул морду, но потом снова уставился на неё.

– Шах, – укорил пса Андрей. – Ты нашу гостью напугаешь.

– Это ваша собака?

– Это Шах, а есть еще Зула. Это они вели вас сюда. Наверное, решили, что сюда ближе, чем до деревни. Тут деревенька недалеко, километров пятнадцать будет, Кошиха называется. Жилых домов там мало, зато есть прямая дорога до райцентра.

– Значит, я зря боялась? – улыбнулась женщина Шаху за окном. – Какой он огромный!

– А еще умный и преданный, – серьезно сказал Андрей. – Настоящий друг.

– А вторая... как её? Зу...

– Зула? – Андрей поднялся, поглядел в окно. – Два с половиной года назад я спас Зулу от смерти. С тех пор она с нами. Иногда мне кажется, что она человек в образе собаки. У Шаха хоть что-то есть собачье в характере, в поведении, а Зула только шкуру собачью носит.

Женщина внимательно глядела на лесника. Если вначале он ей показался почти стариком, то теперь она заметила, что тому действительно не больше сорока. Она отметила его высокий рост, мощные плечи и руки, седину и то особое выражение лица, которое бывает у людей, много видевших и много испытавших. Но в то же время она не могла не заметить, что Андрей не похож на отшельника, скрывающегося в лесной глуши. Выражение его глаз, мягкий голос и бережные движения рук, когда он делал ей укол или поправлял подушку, говорили о том, что хозяин дома в лесу человек добрый, открытый. Интересно, что заставило его поселиться здесь?

– Только благодаря собакам вы окончательно не заблудились в наших лесах. Здесь много очень опасных мест, да и встреча с хищником была бы не в вашу пользу.

Женщина снова зябко поежилась, натянула повыше одеяло.

– Как же я оказалась здесь? – снова и снова задавала она себе этот вопрос. – И, в конце концов, как меня зовут?

Последние слова она почти выкрикнула. Было заметно, что свою физическую беспомощность она еще как-то воспринимала – с кем не бывает? Но позабыть свое имя?!

– В бреду вы называли несколько имен, – стал вспоминать Андрей. – Чаще всего Кира. Может, так вас зовут?

– Вряд ли, – задумалась женщина. – Обычно люди не обращаются к себе в третьем лице, а говорят: «Я, мне, моё». Черт возьми, какая незадача!

Она надолго замолчала и всё хмурила лицо, словно гримаса могла помочь оживить ей память. Андрей поднялся, чтобы заняться повседневными делами. Во-первых, пора затопить печь, приготовить еду для себя и собак. Да и прибраться не мешает. Последние дни ему было не до того.

– Куда вы? – вскинулась женщина.

– Пора хозяйством заняться, – ответил Андрей. – Да и гостью надо покормить.

– Но вы не рассказали мне, как вы меня нашли, – напомнила она.

– Так будет еще время. Вы отдохайте, сил набирайтесь.

– Нет-нет, – не отпускала его больная, – пока не расскажете, я вас никуда не отпущу. Может, я сумею что-нибудь вспомнить важное.

– Хорошо, – вернулся на прежнее место Андрей. – Только вы лягте и глаза закройте, а то снова голова закружится.

Женщина без слов исполнила приказание.

Глава шестая

В тот день Андрей поспешил вслед за Зулой, заражаясь её беспокойством. В голове мелькали мысли о несчастье с Шахом, о хищнике, пробравшемся в дом, о раненом животном, ищущем помощи у человека. Но как он удивился, когда в темных сенях обнаружил женщину, мечущуюся в горячечном бреду. В первый миг он растерялся, не мог сообразить, что нужно делать. Потом скинул рюкзак, стащил с себя верхнюю одежду и поднял с пола женщину. Втащив её внутрь дома, уложил на скамью, идущую вдоль задней стены, начал раздевать. Дойдя до шикар-

ного нижнего белья, кинулся к сундуку, где хранилась его одежда, нашел тельняшку. Переодевание заняло несколько минут. Уже укладывая нежданную гостью на постель, Андрей обнаружил слипшиеся от крови волосы на затылке. Пришлось греть воду, чтобы смыть кровавую корку, под которой обнаружилась рана. Обработав рану спиртом, Жилин вытащил специальную хирургическую иглу с прикрепленной ниткой. Ему однажды пришлось зашивать подобной иглой рваную рану на лапе Шаха. Шить тонкую кожу на голове было не в пример легче. Понадобилось три шва, чтобы стянуть края раны, после чего Жилин перевязал голову женщины по всем правилам, изученным им в Афганистане.

Уложив женщину на постель и хорошенько укрыв, Андрей в первую очередь занялся лекарствами. На несколько дней он превратился в медбрата: строго по часам делал уколы, тщательно обрабатывал рану на голове, обтирал тело водой с уксусом, когда температура поднималась к сорока градусам, на свой страх и риск сделал больной успокаивающий укол, после которого та перестала дико вскрикивать и пытаться сорвать с головы повязку.

– Не знаю, – виновато посмотрел на гостью Андрей, – правильно ли я сделал, что не позвал врача. Только кто же попрется в такую даль? Сюда нет подъездной дороги, и вряд ли врач согласился бы пробыть здесь несколько суток...

– Вы все правильно сделали, – успокоила его женщина. – Я не умерла, чувствую себя сносно, вот только с головой неполадки. Но ведь это пройдет, верно?

– Конечно.

Мужчина поднялся.

– Отдыхайте, а я делом займусь, – сказал он. – Вам надо сил набираться, хорошо кушать. Да и подтопить нужно. Отдыхайте, – дотронулся он до руки больной.

Чуть слышно скрипнули половицы под ногами хозяина, потом открылась и снова закрылась дверь, откуда потянуло сквозняком. Не открывая глаз, женщина слушала как Андрей, говорил с собаками, которые в ответ радостно скулили, щелкали челюстями. Через минуту застучал топор по дереву, потом послышался звук наливаемой в ведро воды.

Дверь снова открылась, и в проеме показался хозяин с огромной охапкой сухих дров в одной руке и эмалированным ведром в другой. Стараясь сильно не шуметь, Андрей свалил дрова у печки, стоящей посередине избы, потом налил воды в большой чайник и поставил на плиту, вделанную в печь. Встав на колени перед печью, Андрей запихал внутрь дрова, с краю пристроил щепочки для растопки и чиркнул спичкой. Маленькое пламя вмиг охватило сначала щепочки, потом дрова и весело загудело в трубе. Лесник поднялся, прошел в дальний угол, где у него располагалась маленькая кухонька, обустроенная крепким, покрытым клеенкой столом с двумя табуретами, холодильником «Минск», навесными полками для посуды и шкафом, в верхнюю часть которого Андрей налил воды из ведра. В нижней части шкафа вместо ожидаемого ведра, куда бы стекала вода, стоял обычный сифон, трубка которого была вставлена в чугунный раструб, уходящий под пол.

Жилин тщательно вымыл руки, вытер полотенцем и только после этого снял с полки кастрюлю, налил воды и поставил на плиту рядом с чайником. Из холодильника он достал разрубленную тушку птицы, придирчиво осмотрел, нет ли чего на желтой коже, и опустил в кастрюлю. Прикинув, сколько времени будет вариться мясо, Андрей снова вышел на крыльцо, где в ящике у него хранилась морковь и картошка.

Пока хозяин готовил обед, его гостя осматривалась. Со своего места она могла разглядеть практически все помещение, кроме той части, которая пряталась за печью, сложенной из красного кирпича, не штукатуренной и не беленой. Большая комната имела три окна спереди, одно боковое окно выходило на крыльцо и еще одно на противоположной стороне как раз в том месте, где располагалась кухня. Кроме лежака с периной, на которой сейчас отдыхала гостя, в комнате был стол, четыре нехлипких стула с высокими спинками, в проемах между окнами были набиты самодельные, но тщательно ошкуренные книжные полочки. Как ни пыта-

лась женщина разглядеть названия книг, ей это не удалось. Перпендикулярно к противоположной стене стоял трехстворчатый одежный шкаф, у которого, правда уцелела только одна из створок. Поэтому женщине была видна развешенная на плечиках одежда: куртки, короткий шубняк, теплый костюм из маскировочного материала, пара пиджаков. На отдельной вешалке две пары брюк, а сверху две или три светлых рубашки.

Внизу шкафа, под одеждой стояли туфли, ботинки и шикарные кроссовки, но, судя по их почти неизношенному виду, можно было предположить, что хозяин предпочитает более практичную и более приспособленную к лесу обувь.

Оставалось разузнать, что скрывалось в той части шкафа, которая была прикрыта створкой.

Шкаф служил перегородкой и отделял кухню от остального пространства комнаты.

Вдоль задней стены, где находилась дверь, была прибита широкая скамья, на которой сейчас лежала свернутая в рулон постель хозяина. Самого Андрея не было видно – его скрывала печь. Но женщина слышала характерные для кухни звуки: стук ножа по доске, хруст картошки, скрежет моркови по терке. До неё дошел запах мяса, и она почувствовала, насколько голодна. Желудок моментально отреагировал на аппетитный запах жестоким спазмом и громким урчанием. Женщина сглотнула горькую слюну и с надеждой воззрилась в тот угол, где кашеварил Андрей. А тот, словно почувствовав её состояние, выглянул, заговорщически подмигнул.

– Немного терпения и будем обедать.

Женщина в ответ улыбнулась и, чтобы скрыть голодный блеск в глазах, повернулась к стене, разделенной пополам шкафом. На толстых гвоздях, набитых на бревна, висело два ружья, ножи в чехлах и патронташ. В центре этой немудреной композиции находилась довольно крупная фотография, на которой женщина разглядела группу вооруженных людей, то ли солдат, то ли охотников.

– Это мы с ребятами в Афгане, – пояснил показавшийся из-за печки Андрей, вытирающий на ходу руки. – Восемьдесят третий год. Из тех, кто тогда фотографировался, половины нет. Одни погибли еще там, другие здесь... Вернее, умерли потом кто от ран, кто от пьянства. Вот этот в середине, с гитарой, мой дружок Серега Ичигов. Живет сейчас в Нижнекамске, мы с ним хоть редко, но встречаемся.

Андрей глянул на будильник, приткнувшийся на книжной полочке, потом, словно не поверил часам, поглядел в окно.

– Пока суп на плите доходит, я пойду баньку затоплю. Сегодня суббота, – смущенно проговорил Жилин. – А вы пока вот это выпейте, – он поставил на стол кружку с темно-красным отваром. – Там внизу ягоды, так вы их съешьте, чтобы желудок заработал, настроился на пищу.

В ответ женщина лишь грустно улыбнулась: муки голода становились все сильнее, а обед откладывался на неопределенное время.

Когда хозяин покинул комнату, она попробовала сесть удобнее, но мягкая перина держала её в крепких объятиях, и единственное, что ей удалось, так это приподняться чуть выше. Взяв в руки кружку и отхлебнув пахучее варево, женщина по второму кругу начала оглядывать место, где она провела пятеро суток.

Стены были бревенчатые, мастерски протыканные светлой паклей, потолок и пол из широких досок, тщательно пригнанных друг к другу. Потолок покрашен белой краской, пол – темно-коричневой.

На окнах занавесок не было, но одно окно между книжными полками сверху было закрыто плотным картоном, по-видимому, таким образом хозяин, читая за столом, защищался от яркого солнца.

Итак, это было спартанское, довольно чистое жилище одинокого мужчины, с минимумом мебели и без расчета на большую семью. Но удивительное дело: все в этой комнате женщине нравилось! И эта печка посередине, и своеобразный уют дома, где каждая вещь знает свое

место и находится здесь только потому, что в ней нуждаются. Ей нравился запах, исходящий от дров в раскалившейся печке, и drobный стук крышки закипевшего чайника, отставленного чуть в сторону от основного пламени. Какой-то родной ей казалась стена, составленная из окон и книжных полок, а боевой арсенал на больших гвоздях рождал чувство защищенности.

На плите зашипело, и первым порывом гостя было вскочить и предотвратить выливание бульона из кастрюли. Но в последнюю секунду она поняла, что рискует, вставая с постели: голова тут же отозвалась острой болью на резкое движение тела. Снова зашипело, и по комнате поплыл обалденный запах чуть припаленного мяса.

– Как есть хочется, – вздохнула гостя и уставилась взглядом на то место, откуда слышалось шипение. В промежутке между печкой и шкафом с одеждой она разглядела часть окна, стол под ним, а на столе какой-то кухонный агрегат. Чем дольше женщина смотрела на него, тем активнее отзывалось на её взгляд сознание. Этот агрегат напомнил ей другой, похожий. Из полного беспмятства вдруг выплыла картина: оголенные руки в цветастых прихватках вытаскивают из чрева агрегата металлический поднос с кусками запеченной рыбы. Женщина на секунду почувствовала запах рыбы, специй и майонеза из своего воспоминания. Но кто это был? Чьи руки вытаскивали запеченную рыбу из чудо-печки?

– Чудо-печь, – вслух произнесла женщина и внимательно поглядела на свои руки. Царапины, кровоподтеки, на левой ладони рваная рана от основания указательного пальца и до запястья. И сбитые в кровь пальцы с обломанными ногтями и остатком розового лака на них. Нет, эти руки не похожи на те, из воспоминания. А может, они стали такими только недавно? Ведь она совершенно не помнит, что произошло с ней, почему она здесь оказалась, откуда разбитая голова и ободранные руки. И, в конце-то концов, как её зовут?!

На крыльце послышались шаги, в окне, выходящем площадку перед входной дверью, мелькнул профиль Андрея.

– Порядок! – сообщил он госте и задвигал посудой на плите. – М-м-м-м, как вкусно пахнет, – словно поддразнивал он её.

Но к чему её дразнить, если она готова сейчас слопать все, что только можно. Пытка голодом продолжалась, а ягоды из кружки только поспособствовали бурному выделению желудочного сока.

– Может, попробуем сесть к столу, – предложил Андрей.

Женщина согласно закивала головой, но тут же поняла, что делать этого не следовало.

– Помогите, – протянула она руки Андрею.

Тот осторожно взял её за кисти, потянул на себя, а потом ловко повернул в сторону стола. Стол стоял впритык к постели, поэтому женщине понадобилось только ноги спустить с кровати да опереться локтями в столешницу. Мужчина бережно укрыл её со спины, подложил под правый бок подушку. Потом отошел к шкафу, открыл дверцу и откуда-то снизу достал пару теплых носков.

– Ногам нужно тепло, – сказал он, – тем более при таком заболевании...

– Каком?

– Ну, я имел в виду температуру, простуду.

– А-а-а-а, – протянула женщина и не возразила, когда Жилин присев у постели на корточки, начал натягивать ей на ноги носки. Носки были из грубой шерсти, царапали и щекотали кожу, но гостя терпела, полагая, что ей в её положении не стоит привередничать.

Через несколько минут стол был освобожден от шприцев, лекарства и прочего, а на их месте появились миски с супом, плоская корзинка с хлебом, разделочная доска с нарезанным мясом и банка с горчицей.

– Хороша, – сморщился Андрей, откусив перед этим хлеб с щедро намазанной горчицей. – В нос бьет! Вы постарайтесь медленно есть, – посоветовал он госте, – а то мне придется вас еще от несварения лечить.

– Я постараюсь, – женщина прикрыла глаза и потянулась губами к ложке с бульоном. В её тарелке, в отличие от тарелки хозяина, кроме бульона ничего не было: ни картошечки, ни морковочки, ни капустки. Один бульон, правда, с плавающими на поверхности янтарными звездами жира.

– Бульон выпьете, – наставлял женщину Жилин, – посидите. А минут через двадцать можно мяса поесть. Договорились?

– Угу, – не отрывалась от тарелки гостя. – Вку-у-у-усно. Мужчины умеют готовить.

Андрей на это ничего не ответил. Он смотрел, с каким аппетитом схлебывала женщина бульон с ложки, каким взором смотрела она на разрезанное мясо. Смотрел и чувствовал, что готов не только сегодня готовить для этой незнакомки, но и завтра, и через месяц, и через год. Когда она вскидывала на него светло-серые глаза и смущенно улыбалась, он внутренне сжимался, а кровь прилиwała к лицу и ушам. Хорошо за бородой не видеть, а не то беда, сидел бы как рак вареный!

Покончив с бульоном, женщина откинулась на подушку. Лицо её чуть порозовело, на переносице выступили крошечные капельки испарины.

– Уф-ф-ф! – выдохнула она. – Как бы не лопнуть.

– Пузо лопнет – наплевать, под рубашкой не видеть, – продекламировал в ответ Андрей. – Мне так всегда бабушка говорила.

Он неторопливо отправлял в рот ложку за ложкой, при этом умудрялся не оставлять крошек на бороде.

– Андрей, – начала женщина, – если уж так получилось, и я оказалась у вас, то нам придется какое-то время общаться. Правда?

Жилин кивнул.

– Так может, перейдем на ты?

Жилин опять кивнул.

– И я понимаю, как неудобно общаться с человеком, у которого нет имени. Давайте попробуем отыскать мое.

– Как?

– Очень просто! Ты называй мне женские имена, а я буду прислушиваться, вдруг узнаю своё? Знаешь, я одну вещь вспомнила, пока ты баню топил...

– Какую? – вскинулся Андрей.

– Вон там у тебя стоит чудо-печка. Я как увидела её, так сразу вспомнила, как кто-то, может и я, вытаскивает из похожей запеченную рыбу. Представляешь, я так ясно это вспомнила!

– А еще что-нибудь вспомнила?

– Нет, как ни старалась, – печально проговорила гостя. – Начнем? Называй имена.

Андрею пришлось поднапрячься, чтобы выдавать одно женское имя за другим. Вначале он вспомнил и произнес в различных вариациях самые простые имена на «А», потом на «Б» и так далее. Потом начал вспоминать редкие, иностранные имена вроде Регины, Анжелики и Кристины. Женщина ни на одно не отозвалась. Правда, что-то мелькало в её глазах при произнесении имен Римма, Кира, Ира, Нина, Дина.

– Мне чудится что-то знакомое в этих именах, – поделилась она с Андреем. – Может, чуть-чуть не так, но очень похоже.

– А какое особенно?

Женщина задумалась, прожевывая кусочки мяса и повторяя чуть слышно: Ира, Нина, Дина...

– Не получается.

– Ничего страшного, – успокоил её Жилин, подкладывая на тарелку кусочки мяса. – Если ты сегодня вспомнила ту запеченную рыбу, то наверняка вскоре еще что-нибудь вспомнишь, а там пойдет-поедет.

– Хорошо бы.

Сказала и осеклась, потому что заметила, как напрягся Андрей, как резко обозначились бороздки меж бровями. Но самое удивительное, что ей самой не хотелось быстро вспомнить, а значит, в ближайшие дни уйти отсюда. Непонятно!

Вот лесника понять можно: он в лесу один, ему бывает одиноко, а тут какой никакой, а собеседник, гость. Но что происходит с ней? Ей-то почему не хочется покидать спартанское жилище лесника? Может, разгадка находится в исчезнувшей памяти? Вдруг они как-то связаны друг с другом?

– Андрей, а мы с тобой раньше нигде встречаться не могли?

Жилин на минуту задумался, поглаживая бороду.

– Ну-у-у-у, в Афгане, думаю, мы точно не встречались, потому что по возрасту ты тогда пацанкой была...

– Ты знаешь, сколько мне лет?

– Нет, но определить с точностью до двух-трех лет могу. Тебе, судя по всему, лет тридцать, не больше. Ну, пусть на год больше или меньше.

– Боже! – закричала вдруг женщина. – Как же я не подумала! Дай мне быстрее зеркало! Зеркало, ты понимаешь?! Я увижу себя и вспомню себя! Как же я раньше не подумала об этом?

Если бы не разбитая голова, женщина кинулась бы на поиски зеркала сама. Но так ей пришлось только поторопить хозяина. Андрей встал и направился в сторону кухни. Оттуда он вышел с квадратным, сантиметров сорок на сорок, зеркалом. Женщина буквально выхватила его у него из рук, но из-за сильного возбуждения в первые мгновения никак не могла сосредоточиться на отражении. Когда же ей это удалось, её энтузиазм пошел на спад.

В зеркале отразились белые бинты на голове, царапины и кровоподтеки на носу, подбородке и левой скуле, а также синяки под обоими глазами, правда, уже исчезающие, зелено-вато-желтые.

– Кошмар, – чуть не плача проговорила женщина, – в какую же переделку я попала? Меня избили или я свалилась откуда-то? Как ты думаешь?

Андрей ничего не мог ответить. Он сам в течение последних пяти суток не раз задавал себе тот же вопрос, искал причины появления здесь женщины.

– Успокойся, – Андрей осторожно высвободил зеркало из рук гостьи. – Когда болячки заживут, я уверен, ты узнаешь себя в зеркале, а пока пусть оно висит на своем месте. Нечего по пустякам расстраиваться.

Он понес зеркало за печку, а когда вернулся к столу, то нашел женщину в состоянии крайней задумчивости. Видно было, что она вспоминала. Он не стал беспокоить её, а собрал посуду и понес на кухню. Пока он намывал миски, ложки, нож и доску, расставлял посуду по местам и убирал хлеб в корзинку с крышкой, в комнате не было произнесено ни звука. А когда он снова присел к столу, то заметил странное выражение глаз своей гостьи.

– Вспомнила? – спросил он, в душе жалея несчастную, которая держалась рукой за затылок. – Ты сильно не напрягайся, иначе голова заболит...

– Как ты сказал? Иначе? Иначе...иначе...иначе...Ина-че...Инна. Меня зовут Инна!

Она произнесла это шепотом, но так, что у Жилина мурашки по коже пошли. Сомнений не было: случайное сочетание звуков дало толчок, и в памяти возникло имя.

– Хорошее имя, – улыбнулся Андрей. – Кстати, я его тебе не называл, хотя похожие были, например, Римма, Дина...Здорово! Не успеешь оглянуться, как вспомнишь все, – но голос у него был грустный.

Инна ничего не ответила. Несмотря на усиливающуюся головную боль, она пыталась восстановить какую-то ускользающую деталь, важную, как она считала, деталь. Что-то такое мелькнуло у неё в голове, когда Андрей подал ей зеркало. Но что? Форма зеркала, его размер? Причем она уверена, что с зеркалом у неё связана какая-то неприятная эмоция. Возможно, она когда-то гадала, и в зеркале увидела нечто страшное? А может, её работа была как-то связана с зеркалами? Например, она была продавщицей в магазине, торгующем зеркалами, или была мойщицей... Стоп! Мойщица! Мыть, чистить зеркала... Она ожидала, что зеркало будет грязным, но оно было чистым и это её удивило, потому что раньше... Что? Что? Где-то были зеркала или одно зеркало, которое доставляло массу хлопот. Причем это как-то связано с мужчиной. Мужчина и зеркало... зеркало и мужчина... Как болит голова! Так, нужно закрыть глаза и представить грязное зеркало, например в разводах... Нет!!! Не в разводах, а в каплях! Точно!

– Ура-а-а! – закричала Инна. – Вспомнила! Когда ты принес мне зеркало, я почему-то заранее предположила, что оно будет грязным, в таких, знаешь, мелких капельках, которые получаются, когда мужчина бреется. Он бреется, а капли летят по сторонам и на зеркало. И это зеркало приходится ежедневно чистить, потому что кто-то всегда сильно недоволен, если оно не сияет, – женщина ударила себя кулачками по ногам. – Кто? Муж, отец, брат? Не помню. Зеркало в капельках помню, а кто брился, глядя в него, не помню!

– Перестань, – Андрей схватил Инну за плечи и с силой уложил. – Ты нервничаешь, а тебе это на пользу не пойдет. Успокойся, постарайся уснуть. Может, во сне что-нибудь вспомнишь. Недаром всем ученым их открытия во сне приходили. И тебе во сне приснится дом, твои близкие...

– Ты действительно так думаешь? – Инна послушно легла, потянула на себя одеяло. – Да, мне надо отдохнуть, иначе голова разлетится на куски.

Она закрыла руками лицо, успокаиваясь и выравнивая дыхание. Но пальцы её заметно дрожали, а тело под одеялом съежилось, заостенело. Андрей вытащил из шкафа шубняк и укрыл Инну поверх одеяла. Почувствовав на себе тяжесть, женщина отняла ладони от лица.

Её губы и подбородок окрасились кровью, которая стремительно вытекала сразу из обеих ноздрей. Инна с ужасом уставилась на свои окровавленные ладони, не в силах понять, что случилось. Андрей кинулся за водой и тряпкой. Второпях он отшвырнул от себя стул и тот отлетел к стене и так ударился в неё, что, казалось, дом дрогнул. Тут же в боковом окне возникла морда волкодава, привлеченного необычным шумом в тихом прежде жилище. Сквозь стекло Шах разглядел больную, чье лицо сейчас было покрыто темной жидкостью, а хозяин пытался мокрой тряпкой вытереть её, но у него ничего не получалось. Тогда он просто положил тряпку на переносицу и заставил женщину повернуть голову набок. Тряпка основательно набухла от крови, и Андрею пришлось искать другую, смачивать в холодной воде и снова прикладывать к лицу испуганной всем происшедшим Инны. Только через несколько минут кровотечение прекратилось, а женщина смогла спокойно вздохнуть и расслабиться.

– Инна, не бойся. То что пошла кровь носом, это даже хорошо. Хуже было бы, если кровь запеклась внутри черепа. Кровотечение – это, конечно, результат сильнейшего удара по затылку. Тебе сейчас покой нужен, а ты напряглась и спровоцировала такую кровопотерю. Но сейчас все позади. Дай я тебе хорошенько лицо вытру. Вот так, отлично.

Он вытирал ей лицо, шею и грудь, а сам был не меньше её испуган. На побелевшем лице ярче проступили едва подсохшие царапины и кровоподтеки. На шее загнанно билась голубая жилка, и такими же голубыми стали губы Инны. Надо было что-то предпринимать. Андрей повернулся к узкому подоконнику, где временно разместилась его домашняя аптека, глазами выискал зеленоватую ампулу. Злоупотреблять этим лекарством, конечно, не следовало, но сегодня особый случай. Женщина на грани, она вся похолодела, а тело дрожит как при малярийной лихорадке. Это нервный срыв, спровоцированный усилиями вспомнить, поставил

диагноз Андрей, и решительно взялся за шприц. Укол позволит Инне расслабиться, отдохнуть, проспать часов двадцать, не меньше. А сон в её положении—главное.

Жилин зарядил шприц, приложил ватку к горлышку бутылки со спиртом. В тот момент, когда он оголил бедро женщины, за окном послышался недовольный визг Шаха, который так делал всегда при виде любого медицинского инструмента.

– Так нужно, – пробормотал Андрей, – иначе она не оставит попыток вспомнить все и сразу. Пусть отдохнет, пусть рана на голове подживет, нервы успокоятся. Она и без того за один только день многое, я считаю, вспомнила. А при такой болезни, как у неё, стоит только чуть-чуть вспомнить, а потом пойдет и пойдет. Веришь, Шах?

Лесник глянул в сторону окна, но пса там уже не было. Нервы волкодава не выдерживали блеска металлической иглы, белизны ваты и бликов стеклянного сосуда со спиртом. Шах спустился с крыльца и двинулся к стожкам. Увидев его, Зула поднялась с места, потянулась, прогнувшись, резко мотнула головой и сделала два шага навстречу. Ей одного взгляда хватило, чтобы понять: гостя снова доставляет их хозяину забот. Это значит, что охота откладывается.

А лес манил, дразнил сытым курлыканьем отъевшихся за лето птиц, шорохом мелкой дичи, свистом начавших линять зайцев. Зула глянула в сторону леса, отметила про себя его оголенность и какую-то прозрачность, вздохнула по прежним вылазкам вместе с хозяином, нутром вспомнила вкус свежей крови и хруст косточек под тяжелой лапой.

Но жизнь в заказнике научила собак не только охотиться, но и терпеливо ждать. Зула понюхала воздух: смертью не пахло. Придется дожидаться, когда гостя уйдет из леса, а хозяин снова будет принадлежать им безраздельно. Она еще не забыла, как однажды здесь уже появлялась женщина, но после долгой снежной зимы та исчезла, и больше они её ни разу не видели. Исчезнет и нынешняя гостя. Хозяин окунется в привычную жизнь, проводя в лесу сутки напролет, снова начнется увлекательная игра, которую хозяин называет: «Взять!».

А раз так, то сейчас можно и побездельничать, поваляться на душистом сене, погреться в последних лучах закатного солнца.

– У-у-а-а-а, –дохнула в морду Шаха Зула и вернулась на прежнее место.

– Ы-ы-ыг, – согласился Шах и поискал подходящее место для себя. Он бы, конечно, с удовольствием вернулся на нагретые доски крыльца, но, зная за собой слабость подсматривать, что происходит в доме, отказался от этой затеи. Снова стать свидетелем проникновения стального жала в человеческое тело ему не хотелось. Потоптавшись на одном месте, Шах свалился на душистое сено, поместив большую голову на лапы, и несколько минут, не отрываясь, смотрел на подругу, принявшуюся выискивать насекомых в своей густой шерсти. Запах березовых дров из бани щекотал нос, и он прикрыл его лапой.

Глава седьмая

Вокруг стояла тишина, которая бывает перед тем, как выпасть первому снегу. Легкие снежинки робко запорхают в воздухе, прилаживаясь к веткам деревьев, к бурому листку дуба или ясеня, закачаются на тонком проводе, идущем из лесной чащи к дому, на одно мгновение скользнут по кристально-тягучей волне родника. Снежные разведчики растают, но через несколько часов по их следам налетит, закружит, замелит все вокруг бесчисленная армия крупных белых хлопьев. Но и она окажется недолговечной. Поначалу растерявшееся от дерзкого нападения, солнце снова вернется и мстительно растопит выпавший не ко времени снег. Но это будет его последняя битва с наступающей по всем фронтам зимой. Потом солнце подберет свои лучи, спрячется за белесую дымку и станет наблюдать, как хозяйничает на земле белокрылая метелица, как невидимый портной начнет шить шубы для кустов и деревьев, малахаи для крыш, под которыми живут и пытаются согреться люди.

Уступив свои позиции, солнце лишь изредка будет приходить сюда в гости, слепя сваркой голубоватого снега, напоминая всему живущему, что его отступление временное. Пройдет время, солнце наберется сил и попросит зиму на выход. Та станет сопротивляться, делать вид,

что уходит, а сама будет возвращаться и именно тогда, когда её не ждешь. Но в конце концов сила окажется на стороне светила, а зиме придется укрыться до того времени, как солнце устанет от работы, истратит силу своих лучей и запросит отдыха. Вот этим и воспользуется зима и снова окажется хозяйкой положения.

Зула чуяла запах снега, поглядывала в пока еще чистое, безоблачное небо и невольно вздрагивала, когда перед мысленным взором мелькал тот жуткий проем в лесополосе, где она безнадежно дожидалась смерти и лишь из последних сил вскакивала на ослабевшие от голода лапы, чтобы шугануть настырных, терпеливо ожидающих добычи ястребов.

От этого видения судорогой сводило челюсти, и застывала в жилах кровь. В такие минуты Зуле было необходимо почувствовать горячее тело друга, его успокаивающее дыхание возле уха или крепкую руку хозяина, теребящего её за холку. Сегодня хозяин занят, но есть верный Шах, и Зула одним движением перекинула свое тело поближе к псу, сунула нос в густую шерсть ему под брюхо.

Страшное видение отступило, но будет посещать собаку снова и снова, и ничто не истребит из её памяти горчайшего чувства предательства и мучительного вопроса: «За что?».

Глава восьмая

Дверца печки раскалилась до малинового цвета, а бешеное пламя так и норовило вырваться изнутри, облизывая красные кирпичи огненными языками. Если бы у дверцы не было прочного запора, пламя давно бы оказалось на свободе, и, пьянея от вседозволенности, загуляло по дому. Вначале оно бы ластилось к половицам, распозавая шустрыми золотыми ручейками, а, добравшись до деревянной мебели, до книг, до бревенчатых стен, азартно накинулось на них, ожгло, воспламенило и, набрав от них силу, двинулось вверх, к потолочным перекрытиям. Одолев и это препятствие, пламя всей своей мощью ринулось бы поднимать островерхую крышу дома, разрывать на части и, не торопясь, жевать её, с усмешкой глядя на тщетные попытки людей бороться с ним, непобедимым. А потом огненный дьявол хохотал бы над отчаянием и страхом беспомощных людей, когда куски шифера с жутким треском полетят вниз, пятная белоснежную поляну перед домом, или поджигая сложенное в стога сено, которое так красиво заполыхает в предзакатный час зимнего дня.

Эта картина постоянно возникала у Инны в мозгу, когда она сидела у затопленной печки. Но так продолжалось недолго. Через некоторое время пламя утишалось, покорно поедало толстые поленья, и воображение женщины рисовало другую картину, более мирную, спокойную. В огне мелькали чьи-то лица, морды зверей, силуэты странных зданий. Вытяжная труба комментировала картины утробным воем или сытым гудением, а женщине казалось, что она смотрит кино в черно-золотом изображении. Иногда пламя приобретало все цвета радуги, красиво рассыпалось фейерверком, оставляя после себя невесомые хлопья пепла.

Сидеть у печки было гораздо интереснее, чем у окна. Вот уже месяц, как за ним ничего не меняется: всё та же стена леса, и всё та же пухово снежная перина со следами Андрея и двух псов. Можно было выйти, обойти весь дом, но картина осталась бы неизменной – снег и стена леса. Правда, было еще небо, чаще затянутое белой дымкой, реже чистое, полыхающее холодным голубым огнем.

Лесная тюрьма без запоров. Иди, куда пожелаешь, на все четыре стороны. Но с двух сторон на километры тянется лес, с третьей стороны, в полукилометре от дома бурливый приток Камы, которого до сих пор не могут уgomонить Никольские морозы. Если же идти в противоположную речке сторону, то через десять километров выйдешь к узкоколейке, а по ней можно добраться до Колыванова с тремя сотнями дворов, магазином, медпунктом и девятилетней школой. Но десять километров и село для Инны все равно, что путь к Марсу, неведомый мир за тридевять земель.

Вот и сидит она в доме лесника, смотрит на огонь и ощущает себя затворницей лесной обители. Камской обители. Почти как у Стендаля. Сможет ли она когда-нибудь вырваться

отсюда? Существует ли сила, которая высветит её прежнюю жизнь, память о которой вылетела от удара по голове?

Подумав об этом, Инна осторожно дотронулась до затылка. Отросшие волосы кололи пальцы, под которыми чувствовался чуть бугристый, трехчленный шрам. Рука у Андрея, видать, легкая, и рана зажила без проблем. Чего не скажешь о голове в целом, которая отзывалась на любое изменение природы, скачки атмосферного давления и даже физическое усилие. А еще бывали носовые кровотечения, правда, не такие сильные, как в первый раз. После небольшой кровопотери, заметила Инна, голова, бывало, полторы-две недели не беспокоила. У неё на случай кровотечения теперь всегда был наготове большой носовой платок, который только и оставалось, что обмакнуть в ведро с ледяной водой, стоящее у самой двери, и приложить к переносью.

В остальном же женщина чувствовала себя довольно хорошо, если не считать приступов беспокойства, тревоги и неуверенности в себе, выражающихся то в суетливом хождении по дому и поминутном выглядывании из окон, а то в оцепенении, как сегодня. Попавшая в лесную глушь, Инна, как ни старалась, ничего не могла вспомнить из самого необходимого: кто она, как сюда попала и где обреталась раньше? Те первые смутные воспоминания-картины не дали ответов, а новые не возникали, даже если заставлять себя ворочать мозгами с утра до ночи. Кроме головной боли ничего не получишь. Андрей это объяснял тем, что и чудо-печка, и зеркало, и сочетание звуков её имени не только были в прежней жизни но, очевидно, частенько мелькали перед взором. Сколько она ни смотрела на печь-голландку, на лес за окном, на собак, они не вызывали никаких ассоциаций.

– Значит, – рассудил Андрей, – тебя окружало совсем другое. Судя по всему, ты жила в городе, вдали от леса, в благоустроенной квартире, и у тебя не было собаки. Может, была кошка?

– Не помню.

Инна представила себе абстрактную кошку, на четырех лапах и с длинным хвостом. Ничего-го. Наверное, и кошки у неё не было.

Андрей долго думал, как помочь женщине вспомнить. Когда-то по телевизору он видел передачу о работе психологов, которые специальными упражнениями восстанавливали у больных память. Да и когда он сам лежал в госпитале и не мог разговаривать, врач советовал ему повторять те слова, которые он слышал от других. Жилин натужно ворочал языком, проговаривая самые обычные слова: дом, мама, корова и прочее.

Поначалу долгими вечерами обитатели лесной избушки часто играли в игру: Андрей называл слово, а Инна придумывала к нему определение или действие. В большинстве случаев сочетания получались неинтересные, банальные, но изредка у них бывали и удачные, оригинальные. Например, к слову «вокзал» Инна добавила «Казанский», и они долго гадали, куда это отнести: вокзал в городе Казани, или это Казанский вокзал в Москве? В другой раз к слову «муж» Инна, не задумываясь, добавила «в командировке». Означало ли это, что её муж ездит по командировкам, или это был отголосок популярных анекдотов, которые начинаются: «Уехал муж в командировку»? Были еще словосочетания «кухня без границ», «соседи услышат», «улица Центральная» и другие. Но по ним невозможно было узнать ни где Инна жила, ни какой была её семья, ни каким видом деятельности она занималась.

Попробовал Андрей зайти со стороны топографии, стал называть названия областей, городов, рек и озер. Никакого результата. Перечислил около полусотни профессий – ничего. Стал называть мужские имена – опять провал.

В конце концов, они оставили эту идею и положились на лучшего доктора – время.

– В сериалах люди часто теряют память, а со временем она к ним возвращается, порой неожиданно, из-за малейшего толчка, – Андрей, сидя на корточках, строгал лучинки. – Но

для этого должно пройти время, в голове все успокоиться и встать на место. Подожди, все образуется.

– Я согласна, – ежилась у окна Инна, разглядывая черные следы на сиреновом снегу. – Но если у меня есть семья, представляешь, как они сейчас беспокоятся обо мне. Если я внезапно появилась здесь, значит, я внезапно исчезла откуда-то. Был человек и вдруг исчез. Кто-то же меня ищет?

– Конечно, ищет, но...

– Что?

– Страна у нас огромная. Предположим, что ты ехала в поезде. Я приблизительно просчитал твой маршрут сюда. Это могло быть только одно место, в нескольких километрах от магистральной линии электропередачи. Но там никогда не останавливаются пассажирские поезда, а до станции еще добрых тридцать километров. Не выпала же ты из поезда на ходу? Хотя, судя по твоей растерзанной одежде, ранам на лице и голове, синякам на теле, я и это могу предположить. Но почему? Кому ты так насолила, что тебя выбросили из поезда по полному ходу?

– Нет, не на ходу, – медленно проговорила Инна, уставясь в одну точку. – Я точно помню, что поезд остановился, а я очень хотела пить. Рядом с насыпью была такая ямка, знаешь, устланная жухлой травой и заполненная, видать, дождевой водой. Я потянулась к ней, потому что очень хотела пить, потянулась и выпала. Никто меня не выбрасывал, я сама.

– Это нереально, Инна, – загорячился Андрей. – Пассажирские в том месте не останавливаются. Остановиться мог только товарняк, чтобы пропустить встречный. Но не на товарном же ты ехала...

Тут он задумчиво поглядел на женщину, что-то припоминая. Потом поднялся с низкого табурета у печки, вышел в сени. Вернулся быстро, неся перед собой истерзанное кашемировое пальто Инны.

– На, – протянул он ей пальто, – понюхай.

Женщина удивленно посмотрела на Жилина, но все же взяла пальто и медленно приложила к лицу.

– «Клима», – блаженно улыбнулась Инна и сильнее втянула запах пальто. – Мои любимые духи.

Андрей зачарованно наблюдал за действиями женщины. Вдруг знакомый запах заставит её еще что-нибудь вспомнить? На её лице возникло выражение блаженства. Так, он знал, женщины млеют от глотка хорошего шампанского, сексуального прикосновения или... аромата любимых духов. Он привык видеть Инну немного растерянной, со сведенными к переносью бровками в моменты сильной задумчивости, часто видел на её лице гримасу обиженного ребенка, но такого, как сегодня, ему не доводилось видеть. Впервые Андрей осознал, насколько привлекательна невесть откуда взявшаяся женщина.

Но минутка прошла, и женщина вдруг сморщила нос, брезгливо скривила губы.

– Пахнет..., – по-видимому, она не могла сразу распознать запах. – Пахнет животным, лошадью, верно?

Она вскинула на него глаза с тем, чтобы убедиться в своем предположении.

– Верно. Когда я тебя раздевал, сильно подивился, где эта дамочка могла вывалиться в конском навозе. Пахнет именно конским навозом и мочой. Так может, ты не с поезда упала, а с лошади? Или...

– Что?

– Это невероятно, но я могу предположить, что ты ехала в вагоне, в котором перевозили лошадей.

Андрей внимательно окинул фигуру женщины.

– Но на дрессировщицу ты не похожа, на спортсмена-конника тоже, к тому же твоя одежда, а особенно белье...

– Ты хочешь сказать, что по моему виду не скажешь, что я имею какое-то отношение к лошадям?

– Никакого отношения, не считая того, что твое пальто пропиталось их запахом.

– Боже, еще одна загадка! – женщина сжала лицо ладонями. – И я не помню никаких лошадей!

Они надолго замолчали. Инна перебирала в голове все, что там сохранилось на тему «Лошади». В голове замелькали вздыбленные передние копыта и замотанные эластичным бинтом шиколотки; развевающиеся голубоватые гривы бешеных скакунов, запряженных в шикарные сани со счастливыми седоками; игры жеребят на цветущем лугу. Она это все знает? Видела? Принимала в этом какое-то участие?

– Знаешь, – прервал её задумчивость Жилин, – я сейчас подумал, что ты могла ехать в пустом вагоне, где до этого везли лошадей. Вот откуда запах.

– Глупости! С какой стати мне ехать в лошадином вагоне? Ты знаешь людей, которые ездят в таких вагонах?

– Нет. Но это единственное объяснение. Возможно, ты попала туда не по своей воле или, напротив, по своей, но по нужде.

– Какой еще нужде? – нахмурилась Инна. – Я что не могла получше сортир найти? Глупости!

– Подожди. Подумай: у тебя разбита голова, причем как бывший солдат, я могу точно сказать, что это рана не от падения. Голову тебе разбили и не кулаком, а железкой. Предположим, – повернулся к ней Андрей, – на тебя было совершено нападение, неизвестный шарахнул тебя, например, куском трубы по затылку и затолкал в вагон. Поезд тронулся, ты ехала, ехала, пока не очнулась. Очнувшись, ты видишь яму с водой, пытаешься дотянуться и выпадаешь из вагона. Поезд уходит восвояси, а ты остаешься. По воле судьбы тебя обнаруживают мои собаки и ведут сюда, где я тебя вскоре и нашел. Кстати, хотел тебе сказать, что я планировал остаться у родителей еще на несколько дней. Но словно меня что-то тянуло сюда. Ведь если я бы задержался в Успенске, ты...

– Я бы умерла, да?

– Может, нет, но состояние твое было критическим. Представь, ты, голодная, лежишь в нетопленном доме без ухода и помощи, с температурой и разбитым затылком. Могло случиться и заражение.

– Не надо, – болезненно сморщилась Инна. – Мне жутко об этом даже думать. Я ведь вообще могла не дойти сюда, свалиться под деревом или попасть в болото, в эти, как ты говорил, в Зыбки. Значит, я должна сказать спасибо собакам?

– Они сделали то, что должны были сделать. Они уже не раз выручали охотников и грибников. Ничего особенного. Но ты согласна с моей версией? – Андрей подвигал короткой кочергой в топке.

– Не знаю, – Инне действительно было странно слышать эту историю. Никакого отклика она не находила в её душе или в мозгах. Наверное, это не про неё. – Мне трудно судить.

– Ладно, не задумывайся, – легко отказался от своей версии Андрей. – Может, все было по-другому. Сейчас не это важно, а то, что нам делать? Я могу отвезти тебя в Успенск или в Набережные Челны, передать тебя в органы, которые обязаны заняться выяснением обстоятельств. Но дело в том, что тебя, наверняка, отправят в психдиспансер на обследование, лечение частичной амнезии. Будут держать тебя взаперти, пока не вспомнишь свое имя. Я знаю такие случаи.

– Правда? – в глазах Инны заплескался испуг. – Я не хочу в психдиспансер!

– Понятно, не хочешь.

Голос Андрея дрогнул, и он почувствовал, что краснеет. Тут же нещадно зажгло уши.

Зачем он пугает бедняжку психушкой? Действительно ли беспокоится за неё или просто не хочет, чтобы она ушла отсюда? Она поверила его словам о диспансере, а он теперь глаз не смеет на неё поднять. Он так хочет, чтобы она задержалась здесь, а он бы играл с ней в слова, помогал восстановить память. Ведь может так случиться, что до выяснения всех обстоятельств её поместят в какую-нибудь конуру или больничную палату. Кто её будет кормить, кто за ней станет ухаживать?

Не-е-е-т, нельзя ей пока к людям. Надо подождать, когда память восстановится, а лучших условий для отдыха, чем в заказнике, не найти. Уж он позаботится о ней, не обидит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.